Ор 91
К 82

А. И. КРИВОЩЕКОВЪ.

Оренбуржцы на Дальнемъ Востокѣ.

Выпускъ I.

Шестая сотня 12-го полка.

ТРОИЦКЪ.
Типографія Берхъ.
1913.

РФМ 429486

А 4 Кн.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

73438
Влад. Петров

РФМ 429486

Р. Ф.

Единственный
экземпляр

Есть электронная
копия

2092
отд XIV

БИБЛИОТЕКА
УПРАВЛЕНИЯ
ДЕЛАМИ
Р. В. С. Р.

9812

Ш
А434
Кп
5957

Д 484/69 РФМ 429486 Орб Ор91 К82
Ш-А-3-а
К-81.
Отд III-1844.
БИБЛИОТЕКА УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛАМИ Р. В. С. Р.
429486
С.С.С.Р. БИБЛ. ВОЕНСЕКТ.

А. И. КРИВОЩЕКОВЪ.

Оренбуржцы на Дальнемъ Востокѣ.

Выпускъ I.

Шестая сотня 12-го полка.

Оренбургская областная БИБЛИОТЕКА им. Н. И. Крупской

ТРОИЦКЪ.
Типографія Берхъ.
1913.

Очеркъ составленъ по разсказамъ участниковъ войны—урядника Алексѣя Павлючка, Емельяна Крылова, Ивана Банникова и другихъ, а также по записямъ вахмистра Бѣляева и урядника Давыдова.

Посвящаю

Лихой сотнѣ

и ея командиру

Генералъ-Маіору

Ипполиту Ивановичу

Угличинину.

Авторъ.

Посвящаю

Генерал-Майору

Иллодину Иванову

У Г Л У Ч И Н Ы.

Автор.

Въ походъ.

Война... Проснулися станицы,
Забытъ смиренный сельскій трудъ,
Блистаютъ радостію лица
У казаковъ. Они идутъ.
Съ веселіемъ на пиръ кровавый
Съ одною мыслью впереди
Иль побѣдить, иль пасть со славой
Печали мѣста нѣтъ въ груди.

(*Казачья пѣсня*).

Война объявлена. Какъ громъ прокатилась роковая вѣсть въ январѣ 1904 года; всколыхнула мирно трудившееся въ своихъ домахъ казачество; взволновались старые рубаки, припомнили былые походы, кровавыя схватки; загорѣлись удалью глаза молодежи захотѣлось сразиться съ новымъ врагомъ не посрамить славы своихъ отцовъ и дѣдовъ; сказалась казачья кровь, горячимъ ключемъ заклокотала въ жилахъ и стариковъ и молодыхъ: „Только бы насъ не оставили дома“,—слышалось по станицамъ. Въ правленіяхъ ежедневно толкались казаки; жадно слушали вѣсти, изъявляя желаніе идти добровольцами. Вотъ проскакалъ по станицамъ казакъ съ краснымъ флагомъ—мобилизація 2-й очереди. А въ станицахъ уже все готово, только и ждали этого. Лошади кормились уже нѣсколько недѣль, обмундированіе на лицо, восмидневный запасъ

сухарей въ мѣшкѣ; черезъ пять минутъ готовъ казакъ—и полѣтитъ хоть на край свѣта. Раздались по станицѣ родные звуки сигнальной трубы; „Всадники други въ походъ собирайтесь"; а ужъ „други" готовы, ждутъ только выступленія и толпами со всѣхъ сторонъ стекаются къ правленію.

Изъ станицы Звѣриноголовской, расположенной на самой границѣ Оренбургскаго войска, выходъ казаковъ назначенъ былъ 17-го апрѣля. Стономъ стонала станица всю ночь: гуляло почти все населеніе: лихая могучая пѣсня мужскихъ и женскихъ голосовъ неслась со всѣхъ сторонъ: слезъ, плача не было, да ихъ при проводахъ, особенно наканунѣ, у казаковъ не бываетъ вообще: какое то особенное, бодрое, удалое настроеніе охватило все населеніе отъ старого до малаго. Лихо заломивъ на затылокъ шапку, ходили отправляющіеся въ походъ, точно они шли на пиръ, а не на смерть: почуявъ опасность казакъ выросъ во весь свой могучій ростъ; чувствовалось, что и донынѣ живъ былой казацкій вольный духъ: „не изсякъ еще порохъ въ пороховицахъ—не ослабѣла сила казацкая"; печали ни слѣда: шло одно общее удалое, необузданное казачье веселье: жить пока живется, а тамъ хоть трава не расти. Только на свѣту нѣсколько умолкла станица; заснули мирнымъ сномъ подгулявшіе,—нѣкоторые можетъ быть послѣдній разъ подъ роднымъ кровомъ.

Было тихое теплое весеннее утро; солнце едва выплыло изъ за горизонта, какъ станица зашевелилась: раздался говоръ, стукъ копытъ и со всѣхъ сторонъ къ правленію потянулись телѣги съ казачьими чемоданами для отправки на общественныхъ подводахъ. Сильное оживленіе царило на улицахъ—пьяныхъ какъ не бывало—рѣдко встрѣтите опечаленное лицо—точно ничего особеннаго не ожидалось. Въ домахъ шли послѣднія приготовленія къ походу:—матери, жены пекли, стряпа-

ли на дорогу; отцы осматривали коней и сдавали чемоданы: всѣ дома наполнялись родственниками: снова началось угощеніе, но уже умѣренное.

Солнце поднялось уже высоко, какъ по станицѣ вновь раздался боевой звукъ сигнальной трубы, играющій походъ:—это была повѣстка къ выступленію. Сборный пунктъ былъ назначенъ за поромомъ на лѣвомъ берегу р. Тобола. Походные въ своихъ домахъ сидятъ на почетномъ мѣстѣ за столомъ, заканчиваютъ послѣдній завтрактъ. Пожилые, казаки, казачки столпились въ комнатѣ, а со двора въ отворенное окно несется разудалая пѣсня, то веселится неутомимая молодежь, собиравшаяся на проводы.

Завтракъ оконченъ. Походный вышелъ изъ-за стола, къ выходу все готово. Пора выступать. Чинно присѣли всѣ по лавкамъ и стульямъ—по обычаю христіанскому. Первымъ тяжело поднялся сѣдой старикъ, отецъ отправляющагося и истово началъ креститься на святую икону. За нимъ поднялись всѣ—вознося горячо молитву Богу, прося силъ и благополучнаго возвращенія. Лица серьезныя, веселья какъ не бывало. Походный склонился предъ отцомъ и матерью: отецъ доставъ маленькую икону и три раза перекрестилъ отправляющагося сына.

Дрогнуло мужественное лицо стараго рубаки; крутая слеза выкатилась изъ глазъ и повисла на сѣдой бородѣ. „Пусть хранитъ тебя Богъ. Служи такъ же какъ и мы служили—вѣрой и правдой. Не будь трусомъ, не стыди моихъ сѣдинъ, а возвращайся героемъ, но если погибнешь на то воля Божья", сказалъ старикъ дрогнувшимъ голосомъ. Икона перешла къ матери—разразившейся рыданіями. „Пусть хранитъ тебя Божья матерь! Береги себя сынокъ" причитала она и дрожащей рукой надѣла образокъ на сына. Всѣ гурьбой вышли изъ дома. У крыльца уже стоялъ осѣдланный боевой товарищъ—гнѣдой конь.

Не вытерпѣлъ молодой казакъ, когда увидѣлъ свою надежду коня; слезы хлынули изъ глазъ и онъ молча палъ ему въ ноги „не оставь, товарищъ, и выручи изъ бѣды; если случится".

А у воротъ въ это время столпились всѣ провожающіе. Къ нимъ подошелъ походный—и цѣлою толпою двинулись вдоль по улицѣ—имѣя въ серединѣ отъѣзжающаго, слѣдомъ за которымъ по зади толпы отецъ велъ въ поводу осѣдланнаго коня. Раздались за душу хватающіе звуки походной пѣсни.

„Прощай страна моя родная,
И вы всѣ добрые друзья!
Богъ знаетъ когда я ворочуся—
Быть можетъ на смерть иду я!".

Хоръ молодыхъ и старыхъ голосовъ дружно подхватилъ ее и мощные раскаты понеслись въ воздухѣ.

Между тѣмъ по улицамъ со всѣхъ сторонъ по направленію къ порому двигались такія же точно процессіи: станица гремѣла отъ пѣсенъ; мощною волною неслись онѣ въ воздухѣ. Толпа встрѣчаясь съ другими увеличивалась и по выходѣ изъ станицы уже достигала огромныхъ размѣровъ; у всѣхъ было одно настроеніе, всѣ какъ бы составляли одну семью; пѣсня не обрывалась—присоединялись новые и новые голоса; огромный импровизованный хоръ гремѣлъ до самаго порома, но и тамъ тоже. Не меньшая толпа пришедшихъ впередъ заняла поромъ. Новая пѣсня мощными раскатами неслась по родной рѣкѣ, неслась надъ станицей и гдѣ то далеко замирала въ родной степи. Это было по истинѣ величественное зрѣлище.

Да, нужно самому испытать и видѣть казачьи проводы, тогда только станетъ понятнымъ все величіе и сила казачьяго духа.

У порома, на берегу родной рѣки началось уже настоящее веселье: вино полилось рѣкой; звуки гармоникъ, пѣсни, пляска, плачъ матерей и женъ, гиканье казаковъ,—слилось въ одинъ гулъ. Угощеніе шло общее—кто попадалъ подъ руку того и угощали и тутъ же прощались.—„Старики!—казакамъ на дорогу!"—раздался чей то зычный голосъ—и одинъ изъ толпы сорвавъ шапку пошелъ по народу собирать деньги. Посыпались рубли, серебро и мѣдяки; замелькали бумажки, и въ короткое время было собрано около 100 рублей, которые тутъ же были переданы казакамъ—тутъ же небогатый старый урядникъ М. В. Байкаловъ пожертвовалъ казакамъ своего хорошаго гнѣдого коня.—„Жертвую, ребята—подъ вьюкъ годится". Таковъ былъ всеобщій подъемъ духа.

Но время идетъ. Пора въ путь. Трубачъ заигралъ „тревогу". Началось прощаніе съ родными, настала самая тяжелая минута...

Вдругъ раздались новые звуки „Генералъ марша это заиграли походъ". Раздалась команда „По конямъ! Садись!" Едва отрывались казаки отъ объятій своихъ родныхъ и поселочниковъ, съ которыми многіе видѣлись послѣдній разъ „Стройся" пѣсельники впередъ, справа по 6-ти шагомъ маршъ!" Казаки сняли шапки перекрестились „Прощайте!—Дай Богъ вернутся!" неслось со всѣхъ сторонъ, а въ это время уже двинулись казаки и раздалась лихая пѣсня.

„Мы давно сжились съ степями
И давно привыкли къ нимъ,—
Передъ дикими ордами
Мы не первый разъ стоимъ.
Повелѣлъ намъ царь великій,
На врага идти въ походъ;
Раздались по всюду клики
За Царя и Русь впередъ!".

Какъ бы въ отвѣтъ на пѣсню раздалось громовое „ура“ провожавшихъ, подхваченное тысячною толпою и мощно понеслось по роднымъ полямъ и рѣкѣ.

А эшалонъ мѣрнымъ шагомъ двинулся къ бору и вскорѣ въ лѣскѣ послѣдній разъ блеснули стальныя копья казачьихъ пикъ; многіе изъ казаковъ оглянулись назадъ, смахнули непрошенную слезу и послѣдній разъ перекрестились на родной храмъ.

Весело шли казаки къ Троицку: пѣсни, смѣхъ, шутки не умолкали ни на минуту. Въ попутнихъ поселкахъ происходили такіе же проводы своихъ казаковъ, тоже путное веселье и пѣсни, наравнѣ съ плачемъ матерей и женъ. Было что-то смѣлое, зовущее впередъ но и трогательное. Не унывали наши ребята, не думали о войнѣ, а веселились какъ будто ничего опаснаго и не предстояло. „Эхъ, только-бы намъ командира хорошаго Богъ далъ,—тогда не пропадемъ“,—было искренное желаніе всѣхъ. Это только иногда волновало удалую ватагу, своимъ видомъ напоминавшую былыхъ запорожцевъ.

На сборномъ мѣстѣ станицы Звѣриноголовская и Усть-Уйская цѣликомъ вошли въ составъ 6-й сотни, 12-го Оренбургскаго казачьяго полка, а скоро разнеслась вѣсть, что командиромъ сотни назначенъ есаулъ Ипполитъ Ивановичъ Угличининъ; живо собралась вся сотня, начались толки: кто онъ, откуда, каковъ. Кто-то отъ знакомыхъ офицеровъ узналъ, что командиръ изъ подъ Оренбурга, хорошій строевикъ, лихой и смѣлый. Какъ пчелиный рой, зашумѣла сотня отъ радости „Дай Богъ,—вотъ такого то намъ и надо. Ну ребята если такъ, то не пропадемъ!“.

Быстро прошло время на сборномъ пунктѣ; пріемка оружія, осмотры и т. п. заняло все время. Но вотъ весь полкъ былъ уже въ полномъ составѣ, и назначенъ день выступленія.

Передъ выходомъ вся 6 сотня во главѣ съ командиромъ, была приглашена игуменей Феофаніей въ Троицкій женскій монастырь. Въ главномъ обительскомъ храмѣ былъ отслуженъ напутственный молебенъ: стройное пѣніе монашекъ; чистота и благовѣніе монастырской церкви, навѣвая миръ и тишину, произвели сильное впечатлѣніе на отправляющихся; теперь это были не буйные удальцы, а скромные богомольцы; они прибѣгали къ Богу—силъ за помощью и заступленіемъ; сотни глазъ съ горячей мольбою устремились на потемнѣвшіе строгіе лики святыхъ угодниковъ.

Молебенъ конченъ. Стройными рядами идутъ казаки въ монастырскую трапезную, гдѣ для нихъ приготовленъ обѣдъ и чай. Пропѣли молитву предъ обѣдомъ: тихо и чинно разсѣлись по своимъ мѣстамъ, принимаясь за трапезу, а между тѣмъ монастырскій хоръ не умолкая поетъ молитвы и духовныя стихи; тихое, стройное пѣніе молодыхъ женскихъ голосовъ несется подъ сводами; расчувствовались многіе казаки: на душѣ смутно, что ни говори, какъ ни веселись, а вѣдь идти приходится не въ гости,—Богъ знаетъ кому удастся вернутся въ родной домъ и еще разъ увидать всѣхъ милыхъ сердцу. Послѣ обѣда всѣмъ казакамъ раздаютъ гостинцы: въ узелкѣ завязаны—просфора, икона, Евангеліе. Благодарятъ казаки и благодарятъ искренне привѣтливыхъ монахинъ и игуменью Феофанію за обѣдъ, за гостепріимство и гостинцы. Наконецъ вся сотня выходитъ за ворота монастыря, гдѣ стоятъ лошади. Раздается знакомая команда „По конямъ"! Садись!"—тихаго настроенія какъ не бывало, опять заклокотала казачья кровь;—опять вступили въ свою колею. „Пѣсельники прямо, сотня по три,—шагомъ маршъ!" Всколыхнулась сотня, а впередъ раздался высокій теноръ „запѣвалы", хоръ подхватилъ и удалая пѣсня понеслась надъ тихимъ монастыремъ, надъ городомъ, надъ окрестною степью.

На слѣдующій день весь полкъ былъ выведенъ въ гор. Троицкъ и четыреугольникомъ построенъ на площади—служили общій напутственный молебенъ. Почти весь Троицкъ, отъ мала до велика, быль здѣсь: вокругъ полка колыхалось не смѣтное море головъ. Торжественно шелъ молебенъ: почти все духовенство города участвовало здѣсь. Послѣ молебна полкъ получилъ въ благословеніе отъ города и монастыря иконы; бывшій атаманъ отдѣла, Генералъ-Маіоръ Агаповъ сказалъ краткую рѣчь, поздравилъ съ походомъ, пожелалъ всѣмъ вернуться на родину героями. Купечество на каждую сотню выставили по бочкѣ пива. Дѣти, эти милые существа изъ учебныхъ заведеній провожали съ цвѣтами. Трогательная была картина.

Наконецъ 29 апрѣля въ полномъ боевомъ порядкѣ полкъ выступилъ со сборнаго мѣста къ гор. Челябинску. Время шло весело: каждый поселокъ проходили съ пѣснями, все населеніе высыпало на встрѣчу, выносили—кто что могъ: кто воды напиться, кто молока, кто хлѣба.

Въ поселкѣ Еманжелинскомъ встрѣтилъ полкъ Наказный Атаманъ, произвелъ осмотръ, поздравилъ съ походомъ и вручилъ знамя.

7-го мая въ два часа дня сотня отправилась по желѣзной дорогѣ со ст. Челябинскъ,—въ далекій невѣдомый край, исполнить свой долгъ воина—къ чему готовились съ дѣтства; во имя чего клялись предъ крестомъ и Евангеліемъ.

Гремитъ паровозъ, постукиваютъ колеса и все дальше и дальше отъ родныхъ мѣстъ увозитъ казаковъ.

Прощаю—родина! Прощай все, что мило и дорого сердцу!

Медленно тянется время въ поѣздѣ, только и разнообразія, когда остановится на станціи: соберутся каза-

ки въ кружекъ, загремитъ опять родная пѣсня, пойдетъ пляска; а тамъ глядишь и лошадей на выводку,—застаиваются бѣдныя, скучаютъ по роднымъ степямъ и они. Поѣздъ летитъ началась уже непроходимая тайга—кругомъ лѣсъ и лѣсъ, а для казаковъ явилось новое разнообразіе: поѣздъ подошелъ къ одной станціи обросшей со всѣхъ сторонъ вѣковыми соснами „Сотня выходи“ раздается по вагонамъ. Командиръ съ офицерами уже на платформѣ. „Стройся“ раздается новая команда.—„Что это значитъ?“ Недоумѣваютъ всѣ: „куда насъ хотятъ вести на такой глухой станціи? Въ строевомъ порядкѣ вышли за станцію на небольшую полянку, окруженную молодыми сосенками. Дѣло разъяснилось, командиръ рѣшилъ устроитъ рубку шашками, вмѣсто таловыхъ прутиковъ—въ вольномъ лѣсу. „Шашки вонъ!“ „На ура маршъ, маршъ!“ и сотня какъ одинъ человѣкъ съ веселымъ „ура“ ринулись на колючаго сосноваго противника; сучья царапаютъ, колютъ лицо и руки, а казаки рубятъ на право и налѣво. Забава очень понравилась. „А вѣдь молодчина командиръ—ловко придумалъ“ разсуждаютъ казаки въ поѣздѣ—„Суворовъ онъ у насъ, рябята“, гремитъ густой басъ съ верхней полки: „тотъ тоже какъ не погодь да холодъ, такъ онъ солдатамъ тревогу, да прямо всѣмъ полкомъ во всей амуниціи черезъ рѣку въ бродъ“.—„Это хороша“ говоритъ единственный татаринъ Мустакаевъ: „шашкамъ рубить ловко будешь; кустамъ привыкнешь прямо пойдешь. Ай, яй, хитрый!“ заключилъ мурза свою философію.

А вотъ и „славное море священный—Байкалъ“. Тутъ первый разъ пришлось казакамъ познакомиться съ настоящими горами: т. к. пошли въ обходъ озера по почтовому тракту. Грозная, величественная и дикая природа заинтересовала степняка своей мощью и величіемъ; огромныя скалы, глубокія пропасти, блестящая гладь Байкала, стиснутая со всѣхъ сторонъ великанами-

горами, переносили фантазію къ далекимъ сказкамъ, слышаннымъ въ дѣтствѣ. Тутъ впервые пришлось казакамъ познакомится съ горами, т. к. со ст. Байкалъ двинулись въ обходъ озера по почтовому тракту на лошадяхъ. Первый разъ пришлось взбираться на крутыя почти отвѣсныя скалы; новая невиданная природа, новые виды заинтересовали казаковъ, привыкшихъ къ родной степи съ ея небольшими перелѣсками. Со станціи Култукъ двинулись дальше. А вотъ началась и Манчжурская степь, безбрежная и безконечная. Весело было ѣхать повѣяло чѣмъ то роднымъ, близкимъ; казалось вотъ вотъ изъ-за пригорка блеснетъ церковный крестъ и покажется родная станица.

Въ арміи.

Чѣмъ ближе подвигались къ театру военныхъ дѣйствій, тѣмъ больше попадалось войскъ. Въ Харбинѣ оставили все свое имущество, дивизіонный обозъ; съ собой взяли только необходимое: бѣлье, шинели да по парѣ запасныхъ сапогъ.

Война чувствовалась и ежеминутно напоминала о себѣ: тутъ встрѣтили первыхъ раненыхъ солдатъ.

Наконецъ вотъ и Ляоянъ—теперь это совершенно военный городъ: вездѣ войска, орудія, обозы, склады, повозки краснаго креста; на улицахъ встрѣчаешь только однихъ военныхъ.

Была теплая южная ночь; на востокѣ едва занялась заря и сѣроватый свѣтъ наступающаго утра чуть чуть брезжилъ въ небольшія окна вагоновъ, когда поѣздъ пыхтя и громыхая колесами тихо подошелъ къ станціи Дашичао, конечному пункту назначенія; тутъ уже собрались остальныя сотни полка привезенныя раньше. Почти трехъ недѣльная тряска въ вагонахъ

страшно надоѣла и всѣ были очень рады, что утомительному путешествію пришелъ конецъ; непріятель былъ близко, начиналась война; всѣмъ хотѣлось поскорѣе въ бой, скорѣе встрѣтиться лицомъ къ лицу съ врагомъ, схватиться грудь съ грудью со своимъ противникомъ и подъ свистъ пуль ударить въ рукопашную.

Едва поѣздъ остановился какъ всѣ казаки съ шумомъ высыпали на платформу и къ великой радости въ нѣсколькихъ саженяхъ увидѣли почти весь свой полкъ, бросились къ своимъ, но разговаривать было некогда: сотни сѣдлали уже лошадей, чтобъ идти въ отрядъ генерала Мищенко. Съ завистью смотрѣли наши казачки на счастливцевъ-товарищей, вотъ они уходятъ туда, гдѣ кипитъ бой, гдѣ льется кровь—трещатъ ружья, ахаютъ огромныя стальныя орудія, гдѣ смерть носится по горамъ и долинамъ, гдѣ люди умирая совершаютъ великіе подвиги.—Жутко и хорошо, такъ бы и броситься прямо изъ вагоновъ вмѣстѣ со счастливцами. Но раздумывать было некогда: нужно выгружаться изъ вагоновъ, выводить лошадей и устраиваться на новомъ мѣстѣ.

Солнце уже взошло когда сотня выгрузившись, расположилась недалеко отъ станціи, на китайскомъ кладбище у подошвы высокой горы. Полкъ уже ушелъ, а 6 сотня осталась отъ полка и была назначена въ прикрытіе 11 конной батареи, въ 4 корпусъ генерала Зарубаева и пробыла здѣсь безъ всякаго движенія 11 дней.

Мирно потекла жизнь—точно были не на войнѣ, а на маневрахъ, но однообразіе становилось скучнымъ, да и погода стояла невозможная: дожди лили почти безпрерывно, солнце рѣдко проглядывало на небѣ, черныя тучи почти ежедневно закрывали все небо. Приходилось сидѣть безъ всякаго дѣла въ палаткахъ и мокнуть подъ дождемъ; къ тому же грязь была почти непролазная.

Одно только было развлеченіе—лазить на гору и съ вершины ея осматривать окрестности: охотники находились почти каждый день и не смотря на непогодь, взбирались на самую вершину. А видъ былъ дѣйствительно чудесный: точно застывшія волны простирались во всѣ стороны пологія горныя вершины, прорѣзанныя небольшими долинами, на которыхъ какъ серебрянныя нити извивались горныя рѣчки, а вдали необозримою гладью блестѣло безконечное, холодное, чужое желтое море. Кой гдѣ виднѣлись дымки судовъ и черныя точки китайскихъ шаландъ, сновавшихъ около города Инкоу; вѣяло миромъ и тишиной.

А гдѣ-то далеко, около Вафангоу, грохотали орудія, иногда слышался сплошной гулъ—тамъ происходилъ ожесточенный бой—тысячи пуль носились въ воздухѣ; осколки ядеръ устилали эти самые пологіе перевалы; смерть свободно гуляла по рядамъ противниковъ; каждый часъ уносила все новыя жертвы, но смѣло шли удальцы впередъ, крѣпко держались на занятыхъ позиціяхъ и не уступали врагамъ ни пяди земли.

Третьяго іюня рано утромъ прибылъ первый поѣздъ съ ранеными. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по казачьему стану и вся сотня просилась на станцію, посмотрѣть на удалыхъ бойцовъ. Изъ вагоновъ выходятъ солдаты, кто съ перевязаной рукой, кто съ повязкой на головѣ, а кто просто опирается на плечо товарища. Тѣснымъ кольцемъ окружили казаки своихъ братьевъ-раненыхъ, жадно смотрятъ въ лица удальцевъ, нѣсколько дней пробывшихъ на волосокъ отъ смерти. Разспросы сыплются со всѣхъ сторонъ: веселый видъ раненыхъ, ихъ бодрость, разсказы о рукопашныхъ схваткахъ взволновали казаковъ—такъ-бы и улетѣли на это поле чести, такъ бы и побыли въ бою, поиграли съ опасностью, но приходилось опять „сидѣть у моря и ждать погоды".

А тутъ еще какъ нарочно прибыло нѣсколько казаковъ изъ полка, уже принявшихъ боевое крещеніе и окуренныхъ порохомъ; у нѣкоторыхъ на груди блестѣли серебрянные крестики. Тутъ и вовсе загрустила сотня, затоскавали казаки—всѣ какъ одинъ рвались на передовую линію, всѣмъ хотѣлось поскорѣе въ бой, тѣмъ болѣе, что и народъ-то подобрался отчаянный: смѣльчакъ на смѣльчакѣ и вотъ такихъ-то молодцовъ и заставили стоять у какой-то горы; недовольство было полное, начался открытый ропотъ. Чуть сотня соберется вмѣстѣ, только и слышно одни разговоры—„поскорѣй бы въ бой". Нѣсколько разъ вахмистра отправляли къ командиру съ просьбой ходатайствовать о назначеніи на передовую линію, о горячемъ желаніи сотни идти въ бой.

Y29486

Три раза командиръ сотни докладывалъ объ этомъ Начальнику штаба корпуса генералу Вебель, но получалъ одинъ отвѣтъ: „успѣете, и на вашу долю хватитъ!" Послѣдній разъ это было сказано уже тономъ приказанія.

Развѣдка.

Наконецъ насталъ давно желанный день. 12 іюня командиръ ѣздилъ въ штабъ корпуса, вернулся оттуда очень веселый и тутъ же объявилъ, что сотнѣ приказано произвести развѣдку на передовой линіи и вѣроятно придется встрѣтиться съ японцами. Громкое ура раздалось въ отвѣтъ на слова командира. Едва прошло нѣсколько минутъ, а сотня какъ одинъ человѣкъ собралась и уже готова была двинуться впередъ. Вотъ выходитъ командиръ, весело улыбается и громко еще разъ, поздравляетъ съ походомъ. Сотня радостно отвѣчаетъ. Настроеніе веселое; бодро сидятъ казаки на своихъ степнякахъ (лошадкахъ). Вахмистръ доложилъ, что

Оренбургская областная
БИБЛИОТЕКА им. Н. К. Крупской

все готово. „На молитву, шапки долой!“ Головы обнажились, лица стали серьезными: каждый понималъ, что настала великая минута и въ душѣ былъ благодаренъ своему командиру за то, что онъ не забылъ въ такой важный моментъ прибѣгнуть къ Богу—просить помощи и заступничества. Не долга была молитва казаковъ, но искренна и исходила изъ глубины души; иной во всю жизнь свою не молился такъ горячо, какъ въ эту минуту; каждый понималъ, что можетъ быть не увидитъ сегодняшняго вечера.

Тихо двинулась сотня за своимъ командиромъ; смолкли разговоры и шутки, не слышалась пѣсня, только копыта лошадей гулко стучали по камнямъ; сотня точно сплотилась, составила одно цѣлое и твердо пошла на встрѣчу грозной незвѣстности.

Шли всю ночь и только къ утру добрались до лѣваго фланга 1 Сибирскаго корпуса. Лошади притомились, а работать предстояло цѣлый день, почему рѣшено было остановиться, покормить лошадей. Отдыхъ занялъ около двухъ часовъ, а затѣмъ сотня выступила исполнять свою задачу. Нужно было обслѣдовать долины Кайджоу и Шихояузъ—есть ли въ нихъ японцы. Не легко пришлось казакамъ, особенно безъ привычки къ горнымъ дорогамъ; цѣлый день ѣздили то взводами, то лавой, высылая развѣдчиковъ впередъ и по сторонамъ. Въ Шихояузъ никого не оказалось, но въ долинѣ Кайджоу былъ открытъ значительный отрядъ японцевъ, свѣдѣнія были очень важны.

Восемнадцатаго іюня сотня снова пошла на развѣдку въ ту же долину Кайджоу.

Мѣстность была уже знакомая, но не привѣтливая. Кругомъ высились горы съ оголенными склонами, усѣянными камнями. Дорога все время шла между горъ. Наконецъ послѣ небольшой долинки показался перевалъ, за которымъ по предположенію должны были

нахадиться японцы. На перевалѣ разбросаны посты Сибирскихъ казаковъ. Сотня остановилась за небольшимъ уступомъ горы и спѣшилась; недалеко за увалomъ слышна ружейная трескатня, очевидно японцы близко и перестрѣливаются съ нашими сибирцами. Немедленно во всѣ стороны были посланы развѣдчики. На сосѣднюю высокую гору отправились два казака А. Павлючекъ и М. Крыловъ. Стоянка у Дашичао принесла свою пользу: какъ привыкшіе уже къ горамъ, казаки быстро взобрались на самую вершину и изъ-за камней стали осматривать окрестность. Хорошъ былъ видъ, но некогда было разсматривать его—взглядъ приковали черные точки на другой сторонѣ перевала—это были японцы, которыхъ первый разъ видѣли наши казаки въ открытомъ полѣ. Оттуда то и дѣло раздавались одиночные выстрѣлы.

Вдругъ одинъ изъ казаковъ взглянулъ внизъ и замеръ: у самой подошвы горы, пригнувшись къ землѣ тихо крадутся японцы, человѣкъ 30 и прямо къ тому уступу, гдѣ скрыта сотня. Вотъ вотъ выберутся къ послѣднимъ камнямъ и изъ за нихъ слижутъ нашихъ всѣхъ до единаго; а казаки и не думаютъ объ опасности и о томъ что смерть уже за плечами: сидятъ кружками около коней, покуриваютъ да балагурятъ, вполнѣ надѣясь на своихъ развѣдчиковъ. А японцы ползутъ и ползутъ. До послѣднихъ камней уже 2—3 сажени—еще минута и погибнетъ вся сотня. Кровь бросилась въ голову развѣдчикамъ, въ глазахъ потемнѣло. Рука судорожно сжала винтовку и черезъ секунду, точно по командѣ, съ вершины горы грянули два выстрѣла. Два японца почти одновременно упали; заволновались враги, поняли что окрыты, схватили убитыхъ и бросились обратно за перевалъ, гдѣ лежалъ за камнями цѣлый баталіонъ.

Сотня была спасена. Едва раздались выстрѣлы съ вершины, казаки схватились за ружья и бросились на

перевалъ. За камнями раскинулась цѣпью вся сотня и завязалась первая перестрѣлка.

„Залпы трещатъ, пули свистятъ, а на душѣ весело, какъ въ великій праздникъ“ говорилъ мнѣ одинъ изъ участниковъ. Это было первое дѣло и боевое крещеніе, но оно прошло не очень счастливо—былъ раненъ пулею казакъ Брылинъ.

Межъ тѣмъ настала темная манджурская ночь. Такъ какъ непріятель былъ открытъ и развѣдка окончена, сотня двинулась обратно, по другой дорогѣ. Мѣстность незнакомая, темната страшная, дождь льетъ какъ изъ ведра. Пришлось ѣхать по горамъ, такъ что вышло хуже и стычки съ японцами. По узкой горной тропинкѣ почти ощупью по одиночкѣ пробираются казаки; съ одной стороны оврагъ, съ другой—гора. Вдругъ на поворотѣ загремѣли камни и раздался крикъ. Это вмѣстѣ съ конемъ сорвался казакъ и покатился въ пропасть. Къ счастью спускъ былъ пологій: лошадь на боку сползла внизъ и встала прямо на ноги, а казакъ оказался опять въ сѣдлѣ. Расхохотался парень и страхъ сразу пропалъ, а думалъ что и живъ не останется.

Цѣлый день безостановочной ѣзды по горамъ до того утомили людей и особенно лошадей, что о дальнѣйшемъ пути нечего было и думать. Чтобы дать возможность хоть немного отдохнуть сотнѣ, командиръ рѣшилъ остановиться; на склонѣ небольшои горы сотня спѣшилась прямо подъ открытымъ небомъ. Дождь не переставалъ, укрыться было некуда и измокшіе, голодные люди тутъ же въ грязи повалились на землю около своихъ лошадей, кто гдѣ стоялъ; усталость взяла свое и почти всѣ тотчасъ заснули, большинство сидя, а нѣкоторые такъ просто стоя, навалившись на сѣдло головой.—Такъ и провели всю ночь.

Было уже утро, когда командиръ разбудилъ казаковъ; голодъ и дрожь сказывались еще сильнѣе, но о

завтракѣ нечего было и говорить т. к. негдѣ было его приготовить, да и некогда: нужно было ѣхать въ штабъ корпуса.

Дождь нѣсколько пересталъ, когда сотня двинулась дальше: хоть и холодно было и голодно—однако унывающихъ было мало: большинство потѣшалось сами надъ собой и товарищами: „Я, ребята, сегодня выспался на перинѣ“ гудитъ гдѣ сзади басъ, сплошь покрытый грязью.—„Это хорошо отзывается другой, а вотъ не хочешь ли искупаться“ кричитъ другой казакъ посинѣвшему басу. Народъ хохочетъ и шутки надъ своимъ незавиднымъ положеніемъ начинаютъ забавлять всѣхъ.

Кто-то доставъ и грызетъ сухарь. „Береги ребята амбары, крысы появились,—вишь какъ хруститъ.

—„Бери ложку, бери бакъ, хлѣба нѣту ладно такъ“, запѣлъ кто то сигналъ на обѣдъ.

Большинство полѣзло въ амбары (торока) достали ржаныхъ сухарей и принялись обѣдать. У иныхъ весь запасъ оказался уничтоженнымъ вчера. Пришлось заимствовать „подъ вексель“ у товарища „я тебѣ слышь послѣ съ процентами отдамъ“—хохочетъ казакъ, вырывая сухарь у товарища.

Командиръ обернулся въ сѣдлѣ, пошарилъ въ торокахъ и сумахъ, но тамъ очевидно тоже ничего не оказалось. Казаки замѣтили и черезъ минуту одинъ уже подъѣзжаетъ къ командиру—„В. В. не угодно-ли пирожковъ безъ начинки!“ улыбаясь говоритъ казакъ, протягивая горсть своихъ сухарей.—„Спасибо, братъ“, а то у меня тоже въ амбарахъ одинъ воздухъ“—смѣется командиръ; пришлось завтракать предложенными казакомъ сухарями.

„Мы вчера ребята уху хлѣбали соленую, безъ ложекъ, а сегодня сухари гложемъ, безъ ухи“, смѣется какой то балагуръ напоминая вчерашній дождь.

Вотъ эти то шутки и оживляли сотню, поднимали духъ, и заставляли забывать и холодъ и голодъ.

Послѣ этой развѣдки прошло нѣсколько дней. Сотня успѣла немножко отдохнуть въ штабѣ, а затѣмъ съ командиромъ корпуса генераломъ Зарубаевымъ, пошла въ отрядъ генерала Мищенко, который въ это время велъ бой у деревни Сяхотянъ. Много разсказовъ ходило въ арміи, про смѣлость и храбрость этого генерала; много о немъ наслышались казаки и давно имъ хотѣлось взглянуть на этого героя, попасть въ его отрядъ хоть не надолго.

Бой былъ въ полномъ разгарѣ. Отъ орудійной пальбы стоялъ какой то безпрерывный громъ; ружейная трескатня сыпалась какъ горохъ. На противоположныхъ горахъ залегли японцы: русскіе снаряды безпрерывно рвались надъ этимъ хребтомъ, буквально засыпая стальными обломками.

Съ передовыхъ позицій то и дѣло ведутъ и несутъ нашихъ раненыхъ солдатиковъ, а на встрѣчу имъ почти безпрерывно движутся свѣжіе полки.

На одной изъ сопокъ остановился штабъ корпуса и тяжелая задача выпала на долю казаковъ: цѣлый день подъ непріятельскими снарядами и градомъ пуль носились казаки кто съ донесеніемъ, кто съ приказаніемъ. Вся сотня была въ разгонѣ. Едва появится казакъ обратно, едва успѣетъ доложить, что приказаніе исполнено, какъ тотчасъ же мчится уже въ другое мѣсто.

Нелегкій день выпалъ на долю казаковъ: приходилось съ утра, безъ завтрака, носиться во весь карьеръ. Вотъ уже наступила ночь, а въ сотнѣ не было и трехъ человѣкъ; не только отдохнуть, даже и поѣсть до поздней ночи никому не удалось, а обѣдали только накамунѣ, такъ что весь день во рту и крупинки не бывало.

Только на другой день около 10 часовъ сотня выступила обратно и расположилась станомъ въ небольшой долинѣ на берегу горной рѣчки. Недалеко отъ сотни, въ лѣскѣ, остановился штабъ корпуса и отрядъ краснаго креста.

Казакамъ было приказано варить обѣдъ. Мигомъ запылали нѣсколько костровъ; ожили казаки: шутки, смѣхъ несутся въ воздухѣ; устали и голода какъ не бывало: бѣгаютъ съ котелками за водой, съ топорами за чащей, а около костровъ съ десятокъ казаковъ работаютъ надъ китайской свиньей.

Прошло не больше часа; изъ котловъ поднимался пріятный запахъ супа, окончательно раздразнившій казачій аппетитъ. Нѣкоторые взводы уже принялись за обѣдъ, устроившись въ наскоро раскинутыхъ палаткахъ.

Вдругъ накатилась небольшая тучка, на которую вначалѣ никто не обратилъ и вниманія, но внезапно изъ нея хлынулъ такой дождь, какого въ Россіи и во всю жизнь не увидишь: это не были отдѣльныя капли дождя, а казалось будто цѣлая рѣка хлынула съ неба. Все что могло спрятаться бросились въ палатки, унося съ собою несварившійся супъ, наполовину разбавленный водою. Но и въ палаткахъ было не лучше: вода въ нѣсколько минутъ подтопила все и люди очутились совершенно въ лужѣ.

Вдругъ раздался крикъ—„спасайтесь!“ Казаки съ недоумѣніемъ выскачили изъ палатокъ и глазамъ ихъ представилась страшная картина. Маленькая рѣчушка совсѣмъ измѣнилась: она вздулась отъ ливня и затопила почти всю долину какъ во время сильнаго половодья. Лошади стояли почти по брюхо въ водѣ, а рѣчка съ неимовѣрною быстротою мчится по долинѣ, захватываетъ и уноситъ съ собою все что попадается ей по пути: сѣдла, вьюки, палатки, повозки краснаго креста, даже нѣсколько раненыхъ захватило теченіемъ.

Кинулись казаки спасать свои вещи, вызести лошадей: кой что половили, но многое совсѣмъ унесло: быстрота была такая, что многихъ сшибало съ ногъ.

Съ другой стороны изъ лѣска гдѣ расположился штабъ корпуса и отрядъ краснаго креста—несутся крики о помощи. Бросились казаки туда, но попасть никакъ не могутъ: едва отойдутъ съ сажень, какъ подхватитъ теченіемъ и разомъ сшибетъ съ ногъ. Съ большимъ трудомъ удалось наконецъ перетянуть веревку, привязать ее за два дерева и ужъ тогда держась за нее, кой какъ стали перебираться въ лѣсокъ. Работать приходилось подъ страшнымъ ливнемъ и по горло въ водѣ. Нѣкоторые изъ казаковъ бросились къ лошадямъ и вплавь на нихъ кинулись спасать штабъ корпуса и раненыхъ. Положеніе отряда сдѣлалось хуже чѣмъ подъ огнемъ непріятеля—тамъ хоть можно укрыться, а здѣсь и тронутся некуда: чуть кто отойдетъ на шагъ, какъ его подхватитъ волной сшибетъ съ ногъ и понесетъ, не дай Богъ попасть въ самую быстроту: тутъ ужъ ничто не спасетъ—сейчасъ же закрутитъ. Тяжело было бороться казакамъ: ливень страшный, быстрота теченія невозможная; волны хлещутъ, а съ той стороны несутся крики о помощи, но казаки уже работаютъ изъ всѣхъ силъ: кто по веревкѣ перебирается, кто на конѣ и немедленно возвращаются назадъ: вотъ вахмистръ Пономаревъ на своемъ конѣ вывозитъ командира корпуса; вотъ нѣсколько казаковъ перевозятъ офицеровъ; а дальше пѣшіе держась за веревку несутъ на себѣ кто раненаго, кто сестру милосердія; часть казаковъ работаетъ на самой быстротѣ—ловятъ плывущія вещи и спасаютъ, что можно спасти; однако много вещей пропало совсѣмъ.

Прошло нѣсколько тяжелыхъ минутъ борьбы человѣка съ грозной стихіей. Наконецъ штабъ корпуса и отрядъ краснаго креста были спасены и всѣ войска,—стоявшіе въ долинкѣ сняли палатки и въ безпорядкѣ стали взбираться въ горы.

Между тѣмъ дождь не переставалъ и хотя немножко ослабѣлъ, но продолжался безпрерывно часа 3; о сухомъ мѣстѣ нечего было и думать—найти его было невозможно такъ какъ во всѣ фанзы, расположенной у подошвы горы, деревушки, были помѣщены раненые; внезапно прерванный обѣдъ совсѣмъ пропалъ.

Наконецъ дождь пересталъ; казаки выбрались на гору и принялись сушиться и грѣться. Кой-кто сбѣгалъ въ деревню досталъ нѣсколько сноповъ сухого гаоляну; нѣкоторые нарубили сучьевъ и черезъ нѣсколько времени съ большимъ трудомъ казакамъ удалось развести огонь. Ожили казаки: началась сушка имущества—котораго была одна шинель, рубашка да брюки—вотъ весь и багажъ.

Не мало было смѣху у казаковъ другъ надъ другомъ: иной самъ посинѣлъ отъ холода, едва языкомъ ворочаетъ, а надъ товарищемъ скалозубитъ; особенно доставалось тѣмъ, кто не успѣлъ передъ дождемъ пообѣдать или ѣлъ супъ наполовину разбавленный дождемъ.

Къ вечеру сотня отошла къ деревнѣ Танчи и, не просушившись какъ слѣдуетъ, казакамъ вновь пришлось ночевать въ холодной грязи, подъ мокрыми шинелями.

Памятны будутъ Танчи для 6 сотни. Тутъ впервые пришлось испытать „холодъ, голодъ и всѣ нужды казачьи", о которыхъ раньше слышали только отъ стариковъ. Дожди шли непрерывно почти каждый день; рыхлая почва превратилась въ непролазную грязь. Пошлютъ казака куда съ донесеніемъ или выйдутъ на уборку—смотришь черезъ полчаса всѣ промокли до костей; такъ и не просыхали нѣсколько дней подъ рядъ. Ко всему этому присоединился еще голодъ. Деревня, въ которой стояла сотня, была брошена китайцами, и до-

стать хоть горсть муки или курицу было совершенно негдѣ: кругомъ высокія горы съ совершенно размытыми дорогами, ближайшія деревни тоже пусты. Провіантъ находился на ст. Дашичао, въ 20 верстахъ. Хоть и небольшое было разстояніе, но въ періодъ дождей очень велико: всѣ дороги превратились въ сплошную грязь, въ которой лошади вязли по колѣно и въ часъ дѣлали только версты двѣ, такъ что переѣздъ до станціи можно было сдѣлать не скорѣе 15—20 часовъ въ одинъ конецъ. Объ обозахъ нечего и говорить: по этимъ дорогамъ не добраться и въ трои сутокъ; къ тому же сотенный обозъ былъ оставленъ въ резервѣ, а тутъ какъ на обѣду изъ за сильныхъ дождей прервалось всякое сообщеніе.

Ни хлѣба, ни мяса у казаковъ не осталось; что было взято въ запасъ все съѣли. По счастью въ деревнѣ оказалось нѣсколько китайскихъ свиней и козловъ, оставленныхъ хозяевами. Обрадовались казаки, поймали одну свинью и тутъ-же принялись за дѣло. Не прошло и полчаса, какъ огромная свинья была приготовлена. Мясо есть, но тутъ то бѣда—варить не въ чемъ. Кинулись къ китайскимъ котламъ, но въ нихъ такая духота, что всѣ внутренности переварачиваетъ; иной казакъ сунетъ носъ въ котелъ, да тутъ же его и вырветъ. Но дѣлать нечего голодъ беретъ свое: пришлось вымыть котлы нѣсколько разъ и варить, но не смотря на чистку запахъ не уменьшался, многіе совсѣмъ не могли ѣсть. Такъ и ходили два дня—всѣ отощали страшно—едва ноги таскаютъ. Къ тому же воздухъ въ долинѣ былъ невозможно тяжелый. Небольшая долинка была вся вспахана и засѣяна чибизой и гаоляномъ. Едва перестанетъ дождь и начнетъ печь, духота отъ испареній получится не выносимая. Рады бы казаки хоть небольшому вѣтерку, но и его нѣтъ—изъ за горъ и высокаго гаоляна не шелохнетъ. Трудно было казакамъ—многіе не выносили духоты и человѣкъ 20 совсѣмъ—слегли,

расхворались окончательно. А голодъ не даетъ покоя: изъ китайскихъ котловъ больные не ѣдятъ, да и здоровые не всѣ. Перерыли всю деревушку и по счастью нашли муки. Началась стряпня. Налили въ китайскій ковшъ воды, насыпали муки, размѣшали и изъ своедѣльнаго тѣста принялись печь въ золѣ лепешки; тутъ многіе отдахнули, да и къ китайской вони стали помаленьку привыкать, а къ концу войны такъ привыкли, что перестали разбирать.

Молодецкое дѣло.

Это было 5 іюля 1904 года. Наканунѣ этого дня сотня была командирована въ отрядъ полковника Романова, гдѣ ей приказано было развѣдать силы и расположеніе противника въ долинѣ Койчжоу и трехъ сосѣднихъ деревушкахъ: Ліусуцзай, Каодятцянъ и Сыцзай.

Теплая южная ночь спускалась на землю, когда отрядъ остановился на ночлегъ въ небольшой котловинѣ, окруженной высокими горами. Долина ожила: говоръ, шумъ, наполнили ее; вскорѣ весело затрещали костры, около которыхъ суетились казаки и солдаты съ котелками и чайниками. Кругомъ была мертвая тишина; только отдаленные раскаты пушечной пальбы да рѣдкая ружейная перестрѣлка напоминали близость непріятеля.

Третій взводъ съ урядникомъ Жильцовымъ былъ отправленъ въ небольшую деревеньку Ліусуцзай узнать, нѣтъ ли тамъ японцевъ. Тихо двинулся взводъ, напутствуемый благословеніями командира и чрезъ минуту совершенно пропалъ въ непроглядной темнотѣ. Чутко прислушивались казаки ко всякому шороху, ко всякому подозрительному звуку; шли почти на ощупь, т. к. темнота была страшная—въ 3 шагахъ ничего не разбе-

рѣшь, хоть глазъ выколи. Прошли гаолянное поле держась локтемъ другъ около друга; перешли въ бродъ небольшую топкую рѣчушку и по камнямъ и галькамъ двинулись дальше, гдѣ по предположеніямъ должна быть деревушка. Высланные впередъ дозоры дошли до деревни и вернувшись сообщили, что въ деревнѣ тихо, вѣроятно никого нѣтъ.

Взводъ пошелъ нѣсколько смѣлѣе, но добравшись до первой попавшейся стѣнки жильцевъ остановилъ казаковъ за этою стѣнкою, а самъ съ 9 болѣе смѣлыми рѣшилъ обслѣдовать деревню и пробраться на другой конецъ ея. Не слышно двинулась маленькая команда смѣльчаковъ по темной пустынной улицѣ китайской деревушки; впереди двое дозорныхъ точно тѣни скользятъ около самыхъ фанзъ. Чу... впереди—неясный едва слышный шорохъ и тихій шопотъ; чуть чуть прорываются гортанныя звуки.—Это японцы. Казакъ прислушался и неслышно пробирается впередъ, чтобы вѣрнѣе убѣдиться и не ударить на своихъ. Въ это время изъ-за тучъ выглянула луна и смѣльчакъ чуть не наткнулся на японскій штыкъ,—очевидно тоже дозорнаго солдата за которымъ у стѣнки притаились около 30 человѣкъ японскихъ солдатъ. Казакъ нырнулъ за уголъ фанзы и какъ серна большими тихими шагами бросился къ своимъ сообщить объ открытіи, но 8 молодцевъ услышавъ говоръ сами уже спѣшили ему на встрѣчу. Узнавъ въ чемъ дѣло казаки выхватили шашки и бѣгомъ бросились туда, гдѣ были японцы, но ихъ и слѣдъ простылъ. Японцы тоже замѣтили казака и тутъ же выскочили изъ деревни, разбросившись въ гаолянѣ. Обшарили всю деревню, осмотрѣли окрестности, но нигдѣ никого не оказалось, только спустя съ четверть часа изъ гаоляна выскочили японцы и скрылись за гору; очевидно тоже были развѣдчики. Между тѣмъ казаки соединившись съ остальными въ разсыпную осматривали долину, а затѣмъ сосѣднюю деревню. Съ винтовками

на изготовку шли наши молодцы по неизвѣстной мѣстности, усянной камнями и пересѣченной полосами чумизы и гаоляна. Трудно было пробираться черезъ густой высокій гаолянъ, то и дѣло натыкаясь на камни, а тутъ опять встрѣтилась рѣчка. Пришлось опять переправляться въ бродъ и почти до пояса тонуть въ страшной тинѣ. Тучи почти совершенно очистили небо и полная луна освѣщала окрестности, но это было еще хуже т. к. ежеминутно можно было ожидать, что непріятель засѣвшій за камнями можетъ открыть смѣльчаковъ. Но однако все обошлось благополучно: не встрѣтивъ нигдѣ противника и пробродивъ по камнямъ и горамъ казаки двинулись къ своему отряду. На востокѣ уже занялась заря, когда усталые и голодные развѣдчики добрались до своей сотни и почти сразу заснули мертвымъ сномъ.

Едва первый лучъ солнца скользнулъ по вершинамъ окрестныхъ горъ, какъ отрядъ былъ уже весь на ногахъ готовымъ къ выступленію: около костровъ такъ же какъ и вчера суетились солдаты и казаки, приготовляя себѣ завтракъ. Дѣло предстояло серьезное, и Богъ знаетъ можетъ до завтрашняго утра не придется закусить ни крошки.

Утро было тихое ясное; солнце уже поднялось высоко, когда отрядъ двинулся съ привала. Впереди лежала ровная долина, усѣянная галькой, мѣстами покрытая высокимъ гаоляномъ и пересѣченная небольшой тинистой рѣчкой. Кругомъ огромными великанами высились горы, точно сдавившіе долину со всѣхъ сторонъ, а вдали виднѣлась небольшая деревушка, въ которой ночью казаки открыли японскую пѣхоту.

Къ полудню сѣверный нагорный гребень заняла пѣхота отряда полковника Романова. Между тѣмъ по настоянію есаула Угличинина, начальникомъ отряда приказано было нашей 6-й сотнѣ произвести окончательную развѣдку долины и сосѣднихъ деревень. Пред-

стояло первое серьезное дѣло. Сотня выстроилась на невысокомъ увалѣ. Командиръ сотни выѣхалъ впередъ и объяснивъ какая дана задача и что нужно дѣлать, а затѣмъ указалъ на серьезность дѣла—нѣсколькими теплыми словами ободрилъ казаковъ, предложилъ быть молодцами, смѣло идти на встрѣчу опастности, подбирать раненыхъ и убитыхъ товарищей и неоставлять ихъ на поруганіе врагу. „Рады стараться В. В.“ загудѣла въ отвѣтъ молодецкая сотня. „На молитву шапки долой!“ Раздалась новая команда. Головы обнажились, замелькали руки творящіе крестное знаменіе, сердце забилось,—вотъ онъ настоящій бой! По взводно двинулись черезъ рѣчку, развертываясь на другомъ берегу въ лаву. Вотъ перешелъ послѣдній взводъ быстро разсыпался и примкнулъ къ своимъ.

Огромною дугою раскинулась казачья лава и рысью двинулась къ деревнѣ; во главѣ, предъ строемъ, командиръ съ обнаженною шашкою. На пути передъ деревнею опять рѣчка. Мѣрною рысью подвигается къ ней сотня. Солнце стояло уже высоко, стало жарко и душно. Кругомъ была мертвая тишина, только сухой стукъ лошадиныхъ копытъ нарушалъ безмолвіе. Окрестные горы, какъ заколдованные великаны сурово молчали, но въ этомъ мрачномъ молчаніи природы и людей, чувствовалось что то зловѣщее. Это было затишье передъ бурей. Казалось черная тѣнь смерти безшумно выпала надъ долиной и казачьей лавой, костлявымъ пальцемъ намѣчая себѣ жертвы.

А сотня шла и шла впередъ, далеко раскинувъ свои крылья. На пути высокій гаолянъ, казаки совершенно въ немъ скрылись. Надъ гаоляномъ только мелькала голова и блестящая шашка командира, который стоя на сѣдлѣ руководилъ сотней. А вотъ и рѣчка. Едва первыя лошади вступили въ воду какъ гдѣ то высоко, высоко съ горы раздался первый выстрѣлъ,

за нимъ другой, третій... Пуля шлепнула въ воду у самыхъ ногъ командирской лошади; а съ горы по казакамъ гремитъ безпрерывная ружейная трескотня. „Карьеромъ маршъ! Раздалась зычная команда и сотня точно стая птицъ съ пиками на перевѣсъ ринулась въ деревню—за своимъ командиромъ, который все время съ обнаженную шашкою, орломъ летѣлъ передъ своей многострадательной сотней. Деревню въ моментъ оцѣпили, но она оказалаь пуста. А съ горъ безпрерывно гремятъ залпы, пули какъ шмели визжатъ всюду и какъ градъ бьются о камни и стѣнки деревни. За деревней въ высокомъ гаолянѣ сотня на минуту остановилась. Командиръ быстро повѣрилъ всѣ-ли казаки, нѣтъ-ли раненыхъ и убитыхъ—къ счастью оказались всѣ невредимыми. Снова развернулась лава, командиръ взялъ новое направленіе и сотня выскачила на открытое мѣсто. Тутъ ужъ начался настоящій адъ: затрѣщали выстрѣлы справа и слѣва и спереди; нѣсколько японскихъ батальоновъ расположенныхъ по гребнямъ горъ съ трехъ сторонъ какъ градомъ принялись засыпать молодецкую сотню; пули сыпались какъ горохъ, какъ крупныя капли въ сильный дождь. Вотъ упала лошадь, раненая на смерть, вотъ другая съ размаху ткнулась головой въ землю, вотъ повалился раненый казакъ Половниковъ, а сотня не смыкая рядовъ точно огромная птица, идетъ спокойно шагомъ впередъ и впередъ вслѣдъ за своимъ командиромъ, везя съ собой раненаго товарища. Наконецъ пошли по галькамъ; стучатъ копыта, летятъ изъ камней искры, а трескотня отъ пуль еще сильнѣе, точно горохомъ бросаютъ съ горъ, залпы все чаще и чаще. Вдругъ, позади раздался залпъ—это наша пѣхота отряда Романова открыла огонь по японцамъ, дабы хоть немного отвлечь огонь отъ многострадальной, но лихой сотни. Началась перекрестная пальба: теперь ужъ ружейная трескотня залпы слились вмѣстѣ; надъ головами казаковъ пули сви-

стѣли безпрерывно. Получилось что то невообразимое, а сотня, то собираясь, то вновь разсыпаясь и далеко раскидывая свои крылья, ровнымъ шагомъ идетъ впередъ и впередъ, точно на ученьи, а не подъ градомъ перекрестныхъ залповъ—орлами шли удальцы за своимъ героемъ командиромъ; а ихъ сѣдоусый есаулъ съ обнаженной шашкой надъ головой, гарцовалъ на своемъ конѣ передъ сотней, точно игралъ со смертью, точно вызывалъ ее на бой; спокойно, какъ въ домашней обстановкѣ отдавалъ онъ приказанія и зорко наблюдалъ за фангами и центромъ. Вотъ онъ повернулся на сѣдлѣ, улыбнулся и крикнулъ.—„Что, братцы, жарко!“—„Жарко“ гаркнуло въ отвѣтъ нѣсколько веселыхъ голосовъ. „Жарко да весело“ несется чей-то басъ. „Молодцы, ребята, орлами идете“ крикнулъ командиръ. „Впередъ братцы“—несется его голосъ, „за мной туда“ говоритъ онъ указывая шашкой на горы. Спокойствіе командира, его увѣренность передалось сотнѣ какъ электрическій токъ: все дѣлалось спокойно безъ всякой торопливости—и молодцы шли впередъ и впередъ подъ убійственнымъ перекрестнымъ огнемъ;—смѣло и гордо неслась лава какъ горный потокъ готовый на своемъ пути смыть все. Сотня точно забыла, что частый огонь съ трехъ сторонъ по ней, что каждая пуля несетъ смерть. Спокойствіе и смѣлость командира спасло сотню, хотя достаточно было малѣйшаго замѣшательства и сотня окончательно бы погибла; всѣ до одного человѣка пали бы на этой долинѣ чести. (Когда полковникъ Романовъ докладывалъ командиру корпуса генералу Зарубаеву, о дѣйствіяхъ сотни, то послѣдній вполнѣ справедливо замѣтилъ, что развѣ я на разстрѣлъ далъ Вамъ сотню!“).

Наконецъ казаки достигли послѣдней деревни, расположенной у подошвы южнаго хребета, занятаго японцами. Вдоль хребета со стороны долины раскинулась японская цѣпь, которая при приближеніи казаковъ

отодвинулась къ югу и очистила деревню. Въ деревнѣ сотня остановилась, скрытая фанзами и мелкимъ кустарникомъ; выстрѣлы стали рѣже и наконецъ японцы, сбитые огнемъ нашей пѣхоты совсѣмъ замолкли. Страшная стрѣльба продолжалась часа два и эти два очень долгихъ часа, сотня висѣла на волосокъ отъ смерти и только теперь немного вздохнули казаки, а вздохнуть дѣйствительно было отчего.

Не долго пришлось отдыхать казакамъ; разъѣзды высланные отсюда командиромъ въ разныя стороны, дали необходимыя свѣдѣнія и сотня развернувъ лаву вышла изъ деревни направляясь въ обратный путь къ своимъ, такъ какъ данная задача была выполнена, и выполнена блестяще.

Теперь предстояла новая нелегкая задача—вернуться обратно къ своему отряду. Идти по старому пути, значитъ снова попасть подъ пули японцевъ, а пойти прямо—мѣшали нависшіе обрывы горъ и было значительно дальше, при томъ тоже японскихъ выстрѣловъ не избѣжать. Пришлось отступать съ боемъ вдоль японской цѣпи, по старому, только что пройденному пути. Едва сотня выступила на открытое мѣсто, какъ на горахъ опять затрещали ружья и пули снова начали осыпать казаковъ. Казаки выхватили винтовки и прямо съ лошадей стали отстрѣливаться. Хороша была лава удальцевъ, смѣло и гордо наступавшихъ по открытой равнинѣ подъ градомъ пуль, при безпрерывной ружейной трескотнѣ; но еще лучше было ихъ возвращеніе.

Маленькая кучка смѣльчаковъ окруженная почти со всѣхъ сторонъ врагами подъ градомъ пуль грозно двигалась впередъ. Это былъ дѣйствительно геройскій подвигъ вполнѣ достойный лихой сотни и ея орла-командира. Около часа продолжалась бѣшанная стрѣльба японцевъ по уходящимъ храбрецамъ, которые точно львы съ сознаніемъ своей силы и неустрашимости,

стройно шли къ своему отряду и прямо съ коней отвѣчали врагу на градъ пуль. Въ это время нашей пѣхоты уже не было на высотахъ; лихая сотня предоставленная самой себѣ спокойно вышла изъ подъ выстрѣловъ и построившись по 6, на глазахъ непріятеля съ съ пѣснями двинулась къ отряду.

Загремѣла удалая казачья пѣсня и далекимъ эхомъ отдалась въ чужихъ горахъ, занятыхъ врагами.

Радостно забилось казачье сердце; сотня грудей вздохнула свободно; задрожало что то внутри каждаго казака—и это чувство вылилось въ удалой родной казачьей пѣснѣ. Поютъ не одни пѣсельники, поетъ вся сотня, поютъ такъ, какъ только можетъ пѣть человѣкъ три часа пробывшій на волосокъ отъ смерти, рѣшившій умереть и теперь неожиданно чувствуетъ, что онъ живъ и невредимъ, что жизнь снова проснулась въ немъ и бьетъ ключемъ горячая кровь. Но вотъ виднѣется уже и свой отрядъ; казаки подтянулись—лихо сидятъ на своихъ коняхъ; гордая улыбка не сходитъ съ молодыхъ лицъ, за минуту передъ тѣмъ боровшихся со смертью; каждый чувствуетъ, что совершилось славное дѣло; а пѣсня ширится, растетъ и несется по горамъ; да это была и не пѣсня, а былъ гимнъ жизни, радостный и величавый, дружною волною лившійся изъ сотни молодыхъ грудей.

Съ лихой пѣсней подходили казаки къ перевалу, гдѣ по обѣимъ сторонамъ дороги выстроился весь отрядъ въ двѣ линіи. Здѣсь храбрецовъ ожидала небывалая торжественная встрѣча. На правомъ флангѣ отряда стоялъ начальникъ, полковникъ Романовъ и едва подошла сотня какъ раздалась громкая команда „на караулъ", блестнули штыки, звякнули винтовки и весь отрядъ взялъ на караулъ. „Да здравствуетъ славная шестая сотня, ура, прогремѣлъ голосъ начальника отряда и громовое ура въ честь славной сотни—вырва-

лось изъ тысячи солдатскихъ грудей. А между рядами солдатъ тихо ѣхала удалая сотня, виновница рѣдкой встрѣчи и пока не проѣхалъ послѣдній ни на минуту не стихало удалое русское „ура". Дрогнули молодецкія сердца казаковъ отъ этой братской неожиданной встрѣчи; на глазахъ многихъ блестѣли слезы; дѣйствительно эта встрѣча была лучшею наградаю для молодецкой славной сотни. Но вотъ сотня прошла ряды солдатъ и развернувшись фронтомъ, остановились.

Начальникъ отряда горячо благодарилъ удальцевъ, а особенно молодца командира, благодаря смѣлости и спокойствія котораго сотня осталась цѣлою и невредимою подъ адскимъ перекрестнымъ огнемъ нѣсколькихъ японскихъ батальоновъ.

„Мы видѣли,—говорилъ полковникъ:—вы какъ орлы безстрашные лихою лавой летали по долинѣ смерти; вы какъ львы спокойно отстрѣливаясь шли мимо непріятельской цѣпи. Честь и слава вамъ! Ура!". Новое ура отряда покрыло слова своего начальника, а онъ снова продолжалъ: „За васъ, лихая сотня мы прокричали ура, а теперь лихому командиру отважной сотни—ура!". Опять громовое ура подхваченное казаками и солдатами грознымъ эхомъ прокатилось по горамъ и замерло гдѣ то далеко, встревоживъ японцевъ.

За это молодецкое дѣло сотнѣ было пожаловано 6 георгіевскихъ крестовъ, которые казаками и были присуждены уряднику Жильцову, казаку Алексѣю Павлючку, производившимъ ночную развѣдку; вахмистру Пономареву, вахмистру Головачеву, уряднику Давыдову и казаку Острогѣ. Командиръ сотни есаулъ Угличининъ получилъ чинъ войскового старшины, а младшіе офицеры—Сильновъ и Колбинъ по ордену Св. Станислава 3 ст.

У Дашичао.

Вскорѣ начался бой подъ Дашичао. Цѣлую недѣлю укрѣпляли позицію передъ станціей верстахъ въ 7—8. Кромѣ саперъ безпрерывно работала пѣхота, работали китайцы; укрѣпленія возводилось за укрѣпленіемъ. 10 іюля все было готово, всѣ были на мѣстахъ боевой линіи. Войсками командовалъ генералъ Зарубаевъ, который цѣлыхъ два дня боролся, какъ удерживая натискъ противника. Утромъ 11 іюля когда разсвѣтъ только начался и зубцы высокихъ горъ слабо выдѣлялись на ясномъ небѣ, вдали на японской сторонѣ грянула вѣстовая пушка. Это былъ сигналъ къ началу боя: заговорили стальныя жерла орудій съ обоихъ сторонъ; чаще и чаще звучали орудійныя залпы и наконецъ слились въ одинъ общій страшный гулъ, подобный раскатамъ грома; воздухъ содрогался отъ залповъ, земля гудѣла; осколки ядеръ буквально засыпали укрѣпленія и долины, но къ бомбардировкѣ всѣ уже привыкли, не только люди но и кони. Сотня составлявшая конвой быстро таяла; во всѣ стороны безпрерывно скакали казаки кто съ донесеніемъ, кто съ приказаніемъ; всѣмъ пришлось побывать подъ адскимъ огнемъ. Величественное зрѣлище боя съ окрестныхъ сопокъ представлялось какъ на ладони; грохотъ орудій не смолкалъ, гранаты и шрапнели безпрерывно рвались въ воздухѣ; наша пѣхота спокойно лежала въ окопахъ. Но вотъ подготовка окончена; къ грохоту орудій присоединилась ружейная пальба; послышались крики „ура!“, „банзай!“ Это пѣхота пошла въ рукопашную; крики на минуту замерли, но вскорѣ вновь загремѣло радостное ура, послышались залпы—это наши Барнаульцы отбили атаку и огнемъ преслѣдуютъ убѣгающихъ японцевъ. Рукопашныя схватки вспыхивали то въ той, то другой сторонѣ; то и дѣло слышалось ура; на всѣхъ пунктахъ японцы

были отбиты. Вдругъ 12 іюля около 9 часовъ вечера получилось приказаніе „отступать“ къ ст. Дашичао; всю ночь на пролетъ шли наши войска. Шестая сотня почти вся находилась въ разъѣздахъ, для освѣщенія мѣстности, а два взвода заняли посты летучей почты—поддерживали связь 4 корпуса съ первымъ. Вахмистръ Бѣляевъ со взводомъ казаковъ былъ командированъ выставлять посты летучей почты. Было уже темно, мѣстность незнакомая, кругомъ горы; по дорогамъ такая грязь, что лошади вязнутъ по колѣно и едва передвигаютъ ноги. Зажгутъ казаки спичку, посмотрятъ карту, спросятъ мѣстность у встрѣчныхъ войскъ и китайцевъ, оставятъ постъ и опять впередъ; а темнота хоть глазъ коли—ничего не увидишь, такъ на ощупь и двигались. Третій взводъ подъ командою хорунжаго Казанцева отправился на развѣдку. Тутъ еще хуже: зги не видать, а жди каждую минуту наткнуться на японца. Далеко зашелъ удалый взводъ,—пора ужъ возвращаться, осталось пройти только гаолянъ и посмотрѣть нѣтъ ли тамъ непріятелей. Мѣсто неудобное:—впередъ увалъ, направо рощи; тихо едва слышно пробираются казаки по высокому гаоляну; чутко прислушиваются ко всякому звуку, но кгругомъ мертвая тишина: а вотъ и гаоляну конецъ—и только взводъ вынырнулъ къ увалу, какъ передъ самымъ носомъ блестнуло жерло пушки и въ тотъ же моментъ надъ головами ошеломленныхъ казаковъ со страшнымъ трескомъ разорвалась шрапнель. Оказалось, что они выѣхали прямо на японскую батарею, да по ихъ счастью японцы второпяхъ не разсчитали выстрѣла и дали высоко, а то бы пропали наши казачки всѣ до одного. Бросились казаки къ деревнѣ, а тамъ ихъ градомъ пуль встрѣтила японская пѣхота. А батарея не умолкаетъ; сыпитъ шрапнелью во всѣ стороны, видимо японцы предположили наступленіе нашихъ войскъ. И только темная ночь да высокій гаолянъ вынесли смѣльчаковъ невредимыми.

Такъ и проходили дни и ночи въ постоянной тревогѣ, гоньбѣ безъ отдыха подъ огнемъ непріятеля.

29 іюля получилось приказаніе—сотнѣ присоединиться къ полку. Былъ составленъ передовой отрядъ изъ двухъ Оренбургскихъ и двухъ Уральскихъ казачьихъ полковъ, который и занялъ цѣпью передовую линію. Тутъ только въ первый разъ встрѣтились казаки со своимъ полкомъ.

12 полкъ занялъ перевалъ Ляолинъ, и раскинулся цѣпью постовъ между сибиряками и забайкальцами. Тутъ пошла сторожевая, полная тревогъ жизнь: отдыху почти не было,—приходилось быть то на постахъ, то въ развѣдкѣ въ постоянномъ соприкосновеніи съ японцами. Безъ перестрѣлокъ не проходило ни одного дня, но особенно доставалось на развѣдкѣ.

Ну и мѣстность же была! Высокія скалистыя горы; черными пропастями зіяютъ ущелья; всѣ склоны усѣяны камнями и покрыты то мелкимъ кустарникомъ, то настоящимъ крупнымъ лѣсомъ; со склоновъ горъ съ сильнымъ шумомъ бѣгутъ быстрыя горныя рѣчки. Днемъ еще ничего можно терпѣть, а ночью и особенно утромъ страшный холодъ и сырость такъ и пронизываютъ. Вотъ въ такихъ то дебряхъ и пришлось казакамъ нести свою сторожевую службу; днемъ и ночью лазить по скаламъ, по кустарникамъ, а кругомъ, за каждымъ камнемъ, за каждымъ кустомъ можно было наткнуться на врага; не мало нашихъ молодцевъ положили здѣсь свои буйныя головушки.

Плохо было казакамъ, но не лучше и офицерамъ; въ этихъ дебряхъ, офицеръ и казакъ породнились, стали братьями, составили одну могучую сильную духомъ семью. Въ той же грязи на голой землѣ около своихъ коней спали и командиръ и офицеры, завернувшись кто въ бурку, кто въ плащъ. А сколько было

у командира заботы: вѣдь на рукахъ сто человѣкъ, надо всѣхъ напоить и накормить да и словомъ ласковымъ ободрить. Часто бывало верненется казакъ изъ разъѣзда мокрый весь трясется, зубъ на зубъ отъ холода не попадаетъ... Начнетъ рапортовать, а у самого языкъ не ворочается. „Замерзъ", говоритъ командиръ. „Такъ точно В. В.", едва лепечитъ казакъ. „На вотъ тебѣ обогрѣйся"—и командирское пальто тутъ же надѣвается на казака, а онъ самъ тоже дрожа отъ холода кутается въ мокрую бурку и ложится тутъ же въ грязи бокъ о бокъ съ казаками. Казакъ бывало спитъ, а онъ спитъ однимъ глазомъ—заботливъ и чутокъ былъ. Трудненько приходилось здѣсь казакамъ: коней почти не разсѣдлывали—не приходилось не только отдохнуть, а даже и поѣсть, какъ слѣдуетъ. Только расположатьсяся отдохнуть или пообѣдать, вдругъ тревога, побрасаютъ все, на коней и къ передовымъ постамъ. Хорошо, если успѣетъ свариться мясо, такъ его повытаскиваютъ изъ котловъ, подѣлятъ кусочками, а супъ выплеснутъ. А потомъ поѣдутъ, да на ходу ужъ и ѣдятъ куски мяса, вытаскивая его изъ кармановъ или сумъ. Было и такъ, погонитъ казакъ съ донесеніемъ на дождѣ, холодѣ проѣздитъ всю ночь—къ свѣту вернется въ сотню—холодный, голодный и неспавшій, радъ-бы согрѣться, и поѣсть, а тутъ и сотня-то спитъ въ грязи, да и ѣсть-то нечего, а ужъ о томъ, чтобы обогрѣться и говорить не приходится. Побьется, побьется казакъ—не найдетъ ничего, да тутъ же гдѣ нибудь около лошадей падетъ на сырую землю и заснетъ.

Здѣсь же въ этихъ горахъ сотня чуть не лишилась своего отца командира. Дѣло было такъ. Получивъ приказаніе согласовать дѣйствіе сотни съ дѣйствіями подполковника Посохова, командовавшаго тремя Сибирскими сотнями, (которые стояли лѣвѣе), командиръ съ 6 казаками рано утромъ отправился лично версты за двѣ переговорить съ подполковникомъ Посоховымъ и

ознакомиться съ мѣстностью, чтобы соединенными силами задерживать врага. Только онъ уѣхалъ, какъ поступило донесеніе, что японцы сбили передовые посты сотни и большими массами надвигаются. Подъесаулъ Сильновъ оставшійся за командира живо принялъ мѣры—сотня залегла за камни и началась отчаянная перестрѣлка, а затѣмъ поступило приказаніе отступать въ гаолянъ. Японцы налегаютъ—идетъ ружейная трескотня. А тутъ поднялся страшный туманъ—ни чего не стало видно—только залпы раздаются на звукъ японской трескотни. Къ ночи сотня отошла назадъ. Едва забрезжало утро, какъ японская пѣхота вновь насѣдаетъ и уже съ двухъ сторонъ, но благодаря туману сотня не была разстрѣлена. Прошли уже сутки, другіе, какъ командиръ уѣхалъ, ждали, ждали—нѣтъ, ну и рѣшили, что всѣ погибли подъ японскими пулями. Загорѣвали казаки жалко было командира, хотѣли искать, да не знаютъ куда ѣхать, такъ какъ всѣ перевалы заняты японцами и войска отошли съ прежнихъ позицій. Вдругъ видятъ—съ горы спускается командиръ со всѣми казаками—цѣлы и невредимы. Обрадовались казаки—бросились на встрѣчу и чуть не плачутъ отъ радости. А командиръ дѣйствительно чуть не погибъ, только смѣлость и отвага спасли отъ японцевъ. Дѣло было такъ: едва онъ доѣхалъ до Сибирскихъ сотенъ, какъ прискакалъ вахмистръ Бѣляевъ съ двумя казаками и доложилъ, что сотня отступила и путь отрѣзанъ японцами. Живо командиръ съ казаками вскочили по конямъ—хотѣли прошмыгнуть по старой дорогѣ, но едва отъѣхали, какъ спереди раздались японскіе выстрѣлы—повернули обратно и тутъ не удалось:—путь уже былъ занятъ японцами—куда не кинуться, вездѣ японцы—точно кольцомъ окружили горсть казаковъ. Пробиваться сквозь японцевъ—съ 9 казаками не могло быть и рѣчи. Положеніе было безвыходное, но командиръ не потерялся и рѣшилъ или умереть или прорваться. Броси-

лись къ горѣ—хотѣли перевалить и спуститься на другую сторону, больше пути не было. Проскакали подъ пулями. Вотъ и гора,—забрались на коняхъ на самую вершину—не тутъ-то было, за ней была другая еще выше; взобрались на другую, тутъ присоединился сотникъ Наумовъ съ 10 казаками, онъ былъ въ разъѣздѣ и тоже былъ отрѣзанъ.—Спуски горъ были почти отвѣсные. Куда не бросятся все на виду у японцевъ и подъ пулями. Такъ пробились съ часъ. О смерти никто не думалъ: всѣмъ казалось, что надежды на спасеніе не было никакой, чувства притупились—было все равно. Японцы заняли уже весь перевалъ и только узкая долинка вела къ нашимъ войскамъ, но она шла какъ разъ вдоль японской цѣпи.—„Туда, ребята—умремъ или прорвемся"—крикнулъ командиръ и началъ спускаться въ долину; по долинѣ смерти, за командиромъ, пригнувшись къ сѣдламъ птицею полетѣли казаки. Добыча казалась сама шла въ руки японцамъ. Они выскочили изъ за прикрытій и градомъ пуль осыпали смѣльчаковъ, но по счастью никого не задѣло, хотя достаточно было ранить какую либо лошадь, даже упала бы которая нибудь споткнувшись—и въ одинъ моментъ японцы изрѣшетили бы пулями смѣльчака. Но слава Богу, вотъ и конецъ долины, новый перевалъ, на немъ въ топкомъ мѣстѣ завязли три двуколки Сибирскихъ сотенъ, прошедшихъ впереди, двуколки приходилось бросать, сибирскіе казаки выпрягали лошадей и шашками рубили колеса; но тутъ новая бѣда. Впереди слышна была сильная перестрѣлка другого пути не было—шли на выстрѣлы. Перевалъ заняли наши воиска и не зная объ отрѣзанныхъ могли принять за японскій разъѣздъ и могли осыпать пулями.—Отъ чужихъ пуль ушли, пожалуй придется умереть отъ своихъ. Надѣли шапку на пики и стали дѣлать вольты. Молодцы Зарайцы замѣтили своихъ, но имъ нельзя было прекратить перестрѣлку, такъ какъ они отходили и вели перестрѣлку

съ наступающей японской пѣхотой. Казакамъ вновь нужно было проѣхать по долинѣ: съ одной стороны японскіе колонны—съ другой наши Зарайцы стрѣляютъ другъ въ друга и вотъ подъ этимъ-то огнемъ пришлось еще разъ проскакать.—Наконецъ и этотъ послѣдній путь былъ пройденъ и есаулъ съ казаками выѣхалъ въ безопасное мѣсто. Тутъ только поняли всѣ какой опасности подвергались и сколько разъ были у смерти. Только на третій день нашли свою сотню, которая всѣхъ уже считала погибшими. Войска наши въ это время отошли къ Ляояну. Вся кавалерія была впереди на развѣдкахъ и въ сторожевомъ охраненіи. Сотни 12 полка тоже были на постахъ, имѣя самостоятельные раіоны; день и ночь приходилось быть въ работѣ и подъ огнемъ, иногда не ѣли по суткамъ, по горамъ никакъ нельзя пройти обозамъ, подвоза продовольствія не было. Трудно пришлось казакамъ—питались всѣмъ, что находили въ брошенныхъ китайскихъ фанзахъ, да и тутъ почти ни чего не было: рады были если кто найдетъ тыкву и неободранную крупу или кукурузу. Сложатъ въ котелъ, нальютъ воды, да такъ безъ соли и хлѣба и питаются; люди и лошади, измучились,—трое сутокъ не спали. А сонъ такъ и клонитъ, глаза не смотрятъ на свѣтъ Божій: ѣдетъ казакъ, а глаза сами закрываются, спитъ въ сѣдлѣ, едва очухается и опять погонитъ дальше. Дѣло дошло до того, что однажды ночью во время отступленія вся вторая полусотня чуть не потерялась. У деревни Тасы поили у колодца лошадей,—была темная ночь, уже третья, какъ никто не смыкалъ глазъ. Первая полусотня напоила прежде и тронулась дальше, а вторая задержалась минутъ на 10 и что же случилось,—послали казака за ними. Подъѣхалъ онъ видитъ, вся полусотня спитъ мертвымъ сномъ. Черезъ четверть часа сотня опять соединилась и командиръ видя, что казаки окончательно выбились изъ силъ, рѣшилъ сдѣлать ночлегъ, такъ какъ на пе-

редовой линіи ихъ смѣнили другія сотни. Остановились прямо около дороги, кто лишь успѣлъ спрыгнуть съ лошади, разнуздать, немного подпруги отпустить, да закрутить поводъ на руку, такъ и упадетъ тутъ же. Иной не донесъ голову еще до земли, а ужъ захрапѣлъ. На часахъ остались только дневальные, да самъ командиръ завернувшись въ бурку проходилъ взадъ и впередъ около спящей сотни до разсвѣта и когда уже занялась заря приказалъ разбудить новую смѣну, а самъ тутъ же около своей лошади прилегъ на мокрую землю. И не одинъ разъ такъ бывало когда командиръ вмѣстѣ съ дневальными дежурилъ около своей измученной сотни. Трудно было бороться со сномъ; не смотря ни на какую опасность—не страшило ни что. Измученные казаки забывали все на свѣтѣ и рады были добраться до клочка грязи, лишь бы заснуть на минутку. А на войнѣ ни дома—забываться нельзя; спросонокъ пожалуй и своихъ перестрѣляешь или бросишься невпопадъ и нападешь на штыкъ либо пулю. Зналъ это командиръ и съ самого начала войны пріучалъ казаковъ не забываться во снѣ, а помнить гдѣ находишься и что нужно дѣлать. Уснутъ казаки, вздремнетъ и командиръ минутку, а потомъ встанетъ и пойдетъ будить казаковъ по очереди. Разбудитъ казака и засыпитъ вопросами: гдѣ ты, куда идешь, гдѣ непріятель, откуда ѣдемъ! Не нравилось сначала казакамъ такая привычка командира, да и отвѣчали они больше не впопадъ, но во время боевъ поняли, что не напрасно командиръ безпокоилъ казаковъ; частая практика сдѣлала свое дѣло, когда бы ни разбудили казака—онъ не кидался уже какъ помѣшанный, не дѣлалъ безтолковщины, а сразу принимался за дѣло. Но бывало что только сотня разоспиться, такъ ее сейчасъ подымутъ. Въ чемъ дѣло недоумѣваютъ казаки: схватятъ винтовки, кинуться къ лошадямъ (шашки почти никогда не снимались). Выйдетъ командиръ и скажетъ—„поправьте кормъ у

лошадей, оправьте сѣдла и ложитесь спасть. Часто казаки спрашивали другъ у друга—когда же командиръ спитъ? Иногда задавали эти вопросы и ему, а онъ и скажетъ: не во снѣ дѣло, пріѣдемъ домой и выспимся, а теперь нужно работать". Такъ въ постоянной тревогѣ и проходило время.

17 августа наши войска начали отступать отъ Ляояна. Оренбургской казачьей бригадѣ (11 и 12 полки) подъ начальствомъ генерала Грекова было приказано отойти за рѣку Тайцзыхэ и производить развѣдку на правомъ флангѣ арміи. Сотни по очереди несли сторожевую службу и стало много легче. Какъ разъ въ это время привезли муку и казаки совсѣмъ ожили. Достали бобоваго масла и пошла у нихъ масленица. Достали китайскихъ ковшиковъ и на нихъ принялись печь блины; размѣшаютъ муку въ водѣ, помажутъ ковшикъ масломъ и пекутъ. Многіе принялись стряпать лепешки: тутъ вмѣсто сковороды служили желѣзныя шанцевыя лопатки, которыми роютъ окопы; иныя въ горячей золѣ пекли что-то вродѣ киргизскихъ прѣсныхъ лепешекъ. Сколько было смѣху у казаковъ—ужъ больно забавно показалось; начали ходить въ гости другъ къ другу: одинъ приглашалъ на блины, а другой на масленыя лепешки, а тутъ раздобыли китайскую свинью, изрубили шашками мясо и надѣлали пельменей—то то былъ пиръ на весь миръ! Погода тоже какъ будьто сжалилась: дождей не было и солнце грѣло изрядно.— Совсѣмъ отдохнули казаки, обогрѣлись, обсушились и занялись починкою; оборвались въ горахъ окончательно.

19 августа одна полусотня съ командиромъ сотни, отправилась произвести развѣдку верстъ за 30. На обратномъ пути пришлось проходить деревню занятую хунхузами. Много ихъ высыпало на валъ, окружающій деревню и съ крикомъ провожали полусотню, но обошлось безъ перестрѣлки, т. к. казаки точно не знали—

мирные это китайцы или разбойники;—тѣ тоже не отважились вступить съ казаками въ бой.

Опять наступила темная китайская ночь; кругомъ было тихо, только вдали на пути казаковъ видно было большое зарево пожара, но гдѣ, опредѣлить затруднялись. Чѣмъ ближе подходили казаки къ рѣкѣ Тайцзыхэ, тѣмъ сильнѣе становилось зарево; наконецъ стала слышна безпрерывная ружейная трескатня. Казаки рѣшили что горитъ мостъ черезъ рѣку и обстрѣливается японцами. Положеніе полусотни становилось критическимъ, поняли всѣ, что окончательно отрѣзаны отъ своихъ и вѣроятно прорваться не придется такъ какъ переправу ночью найти трудно, а утромъ весь берегъ займутъ японцы, да можетъ быть и теперь уже заняли. Дѣлать было нечего, приходилось или прорываться или умерать. До моста осталось не больше версты; зарево огромное; выстрѣлы трещать—рѣшили осмотрѣть въ чемъ дѣло—и послали вахмистра Пономарева съ двумя казаками. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ ожиданія; вдругъ послышался топотъ коня и изъ тьмы вынырнулъ одинъ изъ посланныхъ казаковъ и сообщилъ—„тамъ наши, одинъ въ красной рубахѣ", казаки захохотали,—„какъ же ты только по красной рубахѣ узналъ?—Да японцы въ такихъ не ходятъ; вахмистръ меня послалъ, а самъ поѣхалъ къ мосту". Черезъ минуту вернулся Пономаревъ и доложилъ, что мостъ цѣлъ, а около него русская пѣхота дожидаются нашу полусотню; приказали торопиться; горитъ не мостъ, а постройки изъ гаоляна около моста и стрѣльба отъ гаоляновыхъ дудокъ.

Легко стало у всѣхъ на душѣ. Быстро двинулись къ переправѣ, на другой сторонѣ биувака своей сотни уже не нашли: еще утромъ бригада снялась и ушла на Сандепу; пришлось ночевать опять на дорогѣ и только на другой день полусотня добралась до своихъ; но здѣсь узнала о несчастьѣ постигшемъ 4-й взводъ;

отправленный въ дальнюю развѣдку подъ командой подъесаула Кандалова. Взводъ былъ совершенно разбитъ японцами и часть казаковъ вернулась только на 5-й день, иные на 7 и 8; всѣ были изнурены до послѣдней степени и разсказывали о страшныхъ лишеніяхъ, которые имъ пришлось перенести во время возвращенія; многіе были совершенно больны, отправлены въ лазаретъ и не возвращались въ сотню; совсѣмъ не возвратились подъесаулъ Кандаловъ, урядникъ Фомичевъ и казаки Максимовъ, Волосниковъ, Алютинъ; да попалъ въ плѣнъ Иванъ Согринъ. Три казака были убиты, а Кандаловъ и Фомичевъ пропали безъ вѣсти. Слышно было впослѣдствіи отъ пограничниковъ, что офицера и урядника взяли въ плѣнъ хунгузы, повѣсили ихъ вверхъ ногами къ дереву и разстрѣляли изъ ружей и стрѣлами изъ луковъ.

Весь августъ проходилъ въ бояхъ. Много было стычекъ съ японцами, но въ шашки ударить ни разу не пришлось, а больно чесались у казаковъ руки: ходили въ охотники и залегали въ тайныхъ мѣстахъ, но японцы были неуловимы и при первой опасности старались улизнуть и отстрѣливаться. Сколько разъ вся сотня лавой ходила на японцевъ, но тѣ постоянно уходили, усыпая смѣльчаковъ градомъ пуль. Только одинъ разъ посчастливилось нашему разъѣзду захватить японскій разъѣздъ. Это было на рѣкѣ Хунхе. Разъѣздъ 6-й сотни подъ начальствомъ самого командира производилъ развѣдку около рѣки. Вдругъ наткнулись на японскій разъѣздъ. Тѣ ударили по конямъ хотѣли угнать; казаки за ними въ шашки. Получилась бѣшанная скачка—нѣсколько казаковъ ударились на перерѣзъ. Вотъ вотъ настигаютъ—блеснула казачья шашка и японецъ повалился съ лошади, съ разрубленной головой, за нимъ другой; третій по видимому начальникъ видитъ что ему не уйти, соскочилъ съ лошади и побѣжалъ къ рѣкѣ намѣреваясь броситься въ

плавь, но и этому не удалось уйти. Едва онъ вспрыгнулъ съ лошади, какъ мѣткая пуля вольнопредѣляющагося Жвалова сшибла его около самаго берега; японецъ палъ, но черезъ минуту поднялся и скатился подъ яръ, а тутъ ужъ вахмистръ Пономаревъ съ револьверомъ въ рукахъ—склонился надъ яромъ и кричитъ—„сдавайся,—не то убью“. Больно хотѣлось вахмистру захватить японца живьемъ, но тотъ вмѣсто отвѣта сдѣлалъ изъ подъ яру нѣсколько выстрѣловъ тоже изъ револьвера и одной пулей ранилъ Пономарева, но и самъ тутъ же былъ пристрѣленъ раненымъ вахмистромъ.

Пока шла эта борьба, остался въ живыхъ еще одинъ японецъ за которымъ гналось двое казаковъ и рѣшили взять его живьемъ. Мечется японецъ по полю, а казаки такъ на него и насѣдаютъ вотъ вотъ схватятъ. Хватился японецъ за винтовку хотѣлъ выстрѣлить, но въ этотъ самый моментъ его догналъ казакъ Калачевъ и растопыривъ руки со всего маху обхватилъ бѣднаго япошку да такъ крѣпко, что вмѣстѣ съ конемъ поднялъ его къ верху. „Ага попался милый“, ворчитъ казакъ, а самъ ужъ на землѣ и какъ малаго ребенка снялъ плѣнника съ лошади. Сколько смѣху было у казаковъ надъ Калачевымъ, который такъ обнялъ японца, что едва вмѣстѣ съ лошадью не повалилъ на землю—„Что братъ, обрадовлся небось, думалъ озернинскую дѣвицу прижалъ“, гогочутъ казаки надъ Калачевымъ, который уже приволокъ свою добычу и отобралъ у японца ружье.

Это былъ первый плѣнный во всей бригадѣ, захваченный казаками, и это счастье выпало опять на долю разъѣзда изъ 6-й сотни. За этого плѣнника по распоряженію Главнокомандующаго Колачеву было выдано 100 рублей въ награду.

У Сандепу въ Матуранѣ.

Опять гаолянъ точно темный лѣсъ; только однѣ небольшія тропинки ведутъ по нему. Около него то и расположилась сотня въ концѣ августа мѣсяца уже послѣ Ляояна. Осень вступила въ свои права; наступили здоровые холода, а казаки хоть и не были голодны, но всѣ обносились и оборвались до того, что ходить было не въ чемъ. Всю одежду спустили; сапоги были у рѣдкихъ. Ходили кто въ чемъ попало и почти вовсе не походили на прежнихъ казаковъ, одѣтыхъ въ однообразную форму; скорѣй это была типичная ватага обстрѣлянныхъ боевиковъ, запорожцевъ, одѣтыхъ во что пришлось: кто въ старой солдатской шинели, кто полушубкѣ, а большинство въ синихъ китайскихъ, ватныхъ курмахъ.

Лошади хотя и были въ тѣлѣ, но сѣдла требовали большого ремонта, потники почти у всѣхъ совершенно сопрѣли, т. к. часто по нѣсколько дней лошадей не разсѣдлывали.

Однако здѣсь жилось много лучше и спокойнѣе. Вся служба состояла въ томъ, чтобы занимать передовые посты и заставы, на которыхъ стояли по очереди, такъ что было время и отдохнуть. Кормили тоже лучше—хлѣбъ и мясо доставляли уже изъ резерва. Опять какъ и раньше у казаковъ началась стряпня и жарня:—на лопатахъ лепешки, въ ковшахъ блины на бобовомъ маслѣ; какіе ужъ это были блины—одному Богу извѣстно, да тѣмъ, кто ихъ ѣлъ.

Только ужъ очень холодно было стоять на постахъ и заставахъ особенно въ морозы; изрѣдка приходилось грѣться около костровъ и то послѣ смѣны часовыхъ. Но зато въ Матуранѣ было весело: стояли по фанзамъ, устроились какъ дома, даже баню устроили въ одной фанзѣ и парились по очередно.

Особенно опаснымъ былъ постъ № 8, выходящій угломъ далеко въ сторону непріятеля. День и ночь почти безпрерывно на немъ шла перестрѣлка; трудно приходилось здѣсь каждой смѣнѣ: нужно было держать ухо востро, а чуть зазѣвался—японцы ужъ тутъ какъ тутъ; не успѣетъ и опомниться какъ всѣхъ переръжутъ и прорвутся въ нашу сторону. Не дарамъ этотъ постъ славился среди казаковъ; смѣльчаки, особенно любители приключеній часто посѣщали его; да почти каждый день на этомъ посту кромѣ назначенныхъ казаковъ обязательно было 2—3 охотника. Каждый гордился если ему удалось пробыть сутки. Разъ нашихъ сбили съ этого поста японцы, а постъ былъ весьма важный поэтому командиръ лично отправился съ казаками ставить сбитый постъ.

Ночь была темная—въ двухъ шагахъ ничего не видно. Кой какъ добрались до заставы, взяли очередныхъ казаковъ и тихо двинулись къ мѣсту поста № 8, до котораго отъ заставы было около ½версты. Шагъ за шагомъ двигалась горсточка людей въ совершенно черной тьмѣ; чутко прислушивались казаки къ каждому шороху: слишкомъ опасно было идти, т. к. каждую минуту можно было наткнуться на японцевъ, а тутъ въ такой тьмѣ развязка извѣстная. Не успѣешь и шашкой взмахнуть какъ поднимутъ всѣхъ на штыки, а японцы прямо не нападаютъ: они выслѣдятъ залягутъ за камни, выждутъ и разомъ со всѣхъ сторонъ охватятъ смѣльчаковъ. Знали это и командиръ и казаки, почему осторожность было удвоена; но опять чуть шорохъ—кинулись бы, да вѣдь тутъ можно нарваться и перерубить своихъ—такъ какъ въ такой тьмѣ и носомъ къ носу столкнешься, а неразберешь съ кѣмъ—или своимъ или врагомъ. Однако благополучно добрались до страшнаго мѣста поставили новый усиленный постъ на томъ же мѣстѣ и вернулись на заставу, хотя много пришлось

перечувствовать, т. к. никто не думалъ, что японцы не залягутъ гдѣ нибудь попути.

Вообще здѣсь осторожность была усилена, командиръ сотни днемъ и ночью самъ повѣрялъ посты; да и день то почти весь находился здѣсь наблюдая изъ бинокля за движеніями враговъ.

На передовыхъ позиціяхъ обыкновенно стояла дежурная сотня полка, а остальные находились въ резервѣ и по первой тревогѣ являлись на помощь. Часто резервныя сотни съ конной батареей ходили впередъ цѣпи на рекогнасцировки. Во время одного изъ такихъ набѣговъ 6-й сотнѣ пришлось имѣть довольно серьезное дѣло у деревни Тасентунь.

Батарея открыла огонь по японцамъ засѣвшимъ въ этой деревнѣ; сотня была раскинута цѣпью; частая ружейная трескотня и орудійные залпы продолжались безпрерывно. Наконецъ сотня была пущена лавою въ атаку на деревню. Славная была опять лава; широко раскинувшись крыльями, имѣя впереди командира съ обнаженною шашкою, сотня карьеромъ летѣла на деревню. Градъ японскихъ пуль сыпался на смѣльчаковъ; вотъ повалился тяжело раненый урядникъ Леоновъ; а къ нему уже несется со своей сумкой фельдшеръ Ануфріевъ и тутъ же подъ пулями дѣлаетъ перевязку; казаки подхватили раненаго товарища и на себѣ вынесли изъ огня; вотъ схватился за ногу вольноопредѣляющій Жваловъ; поблѣднѣлъ внезапно, а потомъ зашатался на сѣдлѣ: пуля прошла ему ступню ноги; едва казаки вывели его, какъ тамъ уже несутъ новаго раненаго казака Копылова, а дальше корчатся въ судорогахъ двѣ лошади. Сотня спѣшилась и залегла цѣпью почти у самой деревни; раздались залпы и черезъ нѣсколько минутъ японцы были выбиты изъ деревни мѣткимъ огнемъ казаковъ. Стрѣльба смолкла, японцы выбитые изъ деревни бѣжали; что нужно было узнать, казаки

узнали и рекогнасцировка была окончена. Сотня выстроилась и съ пѣснями двинулась обратно, везя съ собою раненыхъ товарищей; слышались шутки, разговоры, смѣхъ.

Такъ почти ежедневно проходило время: то ходили въ набѣгъ, то на заставы. Много было исторій и мелкихъ стычекъ между казаками и японцами. Какъ то сотня занимала посты у деревни Лидіатунь, вмѣстѣ съ 2-й сотней есаула Пастухова. Цѣлую недѣлю безъ смѣны стояли на постахъ, но было сравнительно спокойно; японцы близко не подходили, держались на выстрѣлъ отъ русскихъ, хотя конные японцы иногда показывались передъ самыми постами и частенько попадали на казачьи пули, но часто и казаки платились за свою смѣлость.

Разъ впереди заставы 6 сотни вахмистръ 2 сотни Данетовъ съ двумя казаками устроилъ засаду, недалеко отъ японской цѣпи; забрались молодцы въ гаолянъ и притаились около дороги. Вдругъ съ противоположной стороны изъ высокаго гаоляна выѣхали два японца и пробираются къ нашимъ постамъ. Встрепенулись казаки, почуяли добычу и бросились на перерѣзъ японцамъ съ шашками на голо. Японцы были далеко впереди, но увидѣвъ казаковъ, повернули лошадей и съ отчаянными криками бросились обратно, а наши съ каждой минутой насѣдаютъ на японцевъ—вотъ вотъ схватятъ. Въ это время подоспѣла японская пѣхота и изъ гаоляна стала осыпать казаковъ пулями. Лошадь Данетова съ размаху ударилась о землю. Между тѣмъ одинъ изъ казаковъ совсѣмъ забылъ о выстрѣлахъ и насѣдаетъ на японца—хочется ему захватить япошку живьемъ. Наконецъ догналъ, и между ними завязалась отчаянная борьба не на жизнь, а смерть. Казакъ осилилъ; онъ ухватилъ японца въ крѣпкія объятія и уже стащилъ съ сѣдла, намѣреваясь перекинуть на своего коня; добыча

была уже въ рукахъ казака; еще секунда и японецъ неестественно размахивая руками уже въ рукахъ казака, но въ этотъ моментъ четыре пули пронзили удалаго казака, добыча выпала изъ рукъ и самъ онъ склонился на шею своего коня; почти тутъ же упала и лошадь убитая наповалъ. Данетовъ былъ живъ; онъ бросился къ товарищу и вывезъ его изъ огня. Подобныя схватки были почти ежедневно, какъ обыкновенное явленіе.

На слѣдующее утро передъ нашими постами показался взводъ японской пѣхоты. Сотни въ пѣшемъ строю были расположены за валомъ окружавшимъ деревню. Притаились казаки—ждутъ гостей поближе; за японскимъ взводомъ издали слѣдуетъ эскадронъ кавалеріи. Ближе и ближе подходятъ японцы; вотъ уже приблизились шаговъ на 300—400; тихо раздалась команда—„6-я сотня на 300 по пѣхотѣ, вторая на 2300 по кавалеріи—пли!"—грянулъ залпъ двухъ сотъ казачьихъ винтовокъ; взвода какъ не бывало; очевидно скосили мѣткія пули; эскадронъ смѣшался, видно было какъ пало нѣсколько лошадей, а часть съ мертвыми трупами бросилась въ сторону; эскадронъ повернулъ и карьеромъ ушелъ за могильные курганы; очевидно имъ досталось изрядно. Между тѣмъ на выручку раненыхъ разбитаго взвода изъ лѣсу показалась рота пѣхоты въ боевомъ порядкѣ, за ней другая; кавалерія обойдя курганы двинулась въ обходъ деревни занятой казаками. Началось наступленіе съ трехъ сторонъ; загорѣлась отчаянная перестрѣлка; японская трескотня и казачьи залпы слились въ общій гулъ. Отчаянная стрѣльба продолжалась часа два; по приказанію изъ штаба сотни отошли шаговъ на тысячу и заняли деревушку Федодцанзы, а японцы послѣ того вступили въ Лидіатунь.

Близкіе сосѣди не давали другъ другу покоя ни днемъ ни ночью; схватки и перестрѣлка были почти

ежечасно. Одна ночь была особенно тревожна: по всей линіи ожидалось нападеніе японцевъ. Сотня пробывшая около двухъ недѣль при постоянныхъ стычкахъ и перестрѣлкахъ была совсѣмъ утомлена, т. к. отдыхать здѣсь почти не приходилось и вотъ чтобъ хоть немного сохранить силы командиръ раздѣлилъ казаковъ по два, одинъ казакъ спалъ, а другой былъ на готовѣ подъ ружьемъ чтобы немедленно отразить неожиданное нападеніе, такъ по очередно и спали.

Сотня занимала невысокій валъ около деревушки; впереди лежали высланные далеко секреты; ночь была темная; вѣтеръ порывисто дулъ, свистѣлъ въ гаолянѣ и деревьяхъ; вдругъ впереди послышался шорохъ и около вала показался казакъ изъ секрета—„японцы идутъ" доложилъ онъ командиру; вся сотня оживилась;—насторожились казаки; крѣпко сжали винтовки, чутко прислушиваются къ каждому шороху; зрѣніе напряжено; каждый старается дальше проникнуть въ ночную тьму; мертвая тишина была въ окопѣ только и слышно было свистъ и завыванія вѣтра; такъ и просидѣли казаки всю ночь: тревога и ожиданія оказалась напрасными,—очевидно на секретъ наткнулись японскіе развѣдчики, а казаки приняли ихъ за передовые дозоры наступающей пѣхоты. Уже занялась заря, какъ съ японской стороны раздалось нѣсколько выстрѣловъ; имъ отвѣтили наши; это было обычное утреннее привѣтствіе, послѣ котораго начиналась перестрѣлка. Постоянныя тревоги на столько притупили нервы, что всѣ совершенно сжились съ боевой жизнью, а о томъ, что будетъ сегодня и завтра, никто уже не думалъ.

Часовъ около 10 стрѣльба смолкла. Впереди въ гаолянѣ около лѣваго фланга сотни, стояла брошенная китайцами фанза, которая служила постояннымъ яблокомъ раздора между казами и японцами: казаки занимали ее ночью, а японцы днемъ, т. к. она находилась

подъ самыми японскими редутами. Въ этотъ день рѣшено было занять фанзу и днемъ. Чтобы узнать есть, нѣтъ тамъ японцы, послали урядника Жильцова съ 6 казаками. Этотъ небольшой разъѣздъ подъ командой смѣльчака урядника мигомъ оказался въ гаолянѣ, а вскорѣ подобрался и къ самой фанзѣ; Едва казаки вынурныли къ фанзѣ, какъ японцы изъ окоповъ открыли по казакамъ страшный огонь. „Впередъ ребята“ крикнулъ отважный Жильцовъ и первымъ оказался около фанзы, но этотъ подвигъ былъ для него роковымъ: двѣ пули одна въ грудь, другая въ животъ разомъ пронзили молодца и онъ безъ крика повалился съ сѣдла. Казаки подумали что убитъ, бросились къ нему чтобы вывезти трупъ любимаго товарища; два казака Горбуновъ и Костылевъ схватили Жильцова и хотѣли перекинуть черезъ сѣдло, но онъ оказался живъ и тихо застоналъ. Подъ адскимъ огнемъ японцевъ казаки понесли Жильцова, но каждый толчекъ причинялъ страшную боль раненому; кровь ручьемъ хлестала изъ ранъ; кой какъ казаки захватили руками раны, дабы хоть на минутку остановить кровь; а пули какъ шмели свистятъ около кучки храбрецовъ, воютъ по сторонамъ, шлепаются то сбоку, то спереди. „Бросьте ребята; все равно умирать! Уходите сами скорѣе, а то и васъ всѣхъ перебьютъ; оставьте меня!“—Скажите привѣтъ семьѣ и сотнѣ просилъ смертельно раненый и вскорѣ впалъ въ забытье. Но небросили казаки своего товарища и на рукахъ вынесли изъ подъ вражьихъ пуль полумертваго героя. (Жильцовъ имѣлъ два георгіевскихъ креста и всѣ казаки отзываются о немъ какъ объ одномъ изъ самыхъ безстрашныхъ смѣльчаковъ).

Къ вечеру этого дня всѣ китайцы покинули деревню, а это было плохимъ признакомъ—значитъ будетъ бомбардировка—этой деревни. Такъ и случилось: утромъ на другой день, когда казаки готовили себѣ завтракъ кипятили чайники, пекли на лопатахъ лепеш-

ки, неожиданно раздался орудійный выстрѣлъ, за нимъ другой; одинъ снарядъ разорвался не долетѣвъ до деревни, а другой перелетѣлъ; но вотъ выстрѣлы стали наще и чаще, снаряды стали рваться уже надъ самой деревней; вдругъ одинъ снарядъ со страшнымъ трескомъ разорвался надъ самыми коновязями; лошади шарахнулись, многіе оборвали поводья и бросились въ сторону; между тѣмъ японцы нащупали сотню и начали поливать шрапнелью; вскорѣ оказались и раненые;—сотнѣ ничего больше не оставалось какъ покинуть деревню; въ этотъ день былъ раненъ хорунжій Уваровъ въ руку и пропалъ безъ вѣсти казакъ Гребенщиковъ, который бросившись за лошадью въ гаолянъ больше не возвратился; впослѣдствіи отъ плѣнныхъ японцевъ узнали, что они нашли его въ гаолянѣ убитаго шрапнельнымъ осколкомъ.

Въ Матуранѣ сотня простояла до 16 февраля—и устроилась какъ дома; приспособили фанзы, покрыли гаоляномъ и соломой коновязи и зажили припѣваючи. Только стрѣльба да стычки напоминали о войнѣ, но это ужъ всѣмъ примелькалось. Къ тому же кормили здѣсь хорошо—люди и лошади отдохнули послѣ страшной голодовки и безсонныхъ ночей. Скучно было сидѣть безъ дѣла и занимать только одни посты, но и тутъ казаки нашли себѣ забаву. По ночамъ охотники составляли небольшіе отряды и ходили безпокоить японцевъ, да и кормъ приходилось доставать изъ подъ непріятельскихъ выстрѣловъ, изъ мѣстъ, занятыхъ японцами, такъ что днемъ было ни какъ нельзя пробраться, ѣздили ночью партіями. Тутъ сотня расталась съ своимъ командиромъ, произведеннымъ въ чинъ войскового старшины и назначеннымъ помощникомъ командира полка. Сотня была сдана—въ 1904 г. 8 ноября, но добрыя отношенія не прерывались до конца кампаніи. Не даромъ называли „сотней Угличинина“ всѣ, даже и Начальникъ дивизіи. 10 февраля начался знаменитый

бой подъ Сандепу. Грохотъ орудій не смолкалъ день и ночь, то бомбардировали наши артиллеріей укрѣпленную д. Сандепу,—подготовляя штурмъ; въ этотъ день пошла наша пѣхота на приступъ; стройно шли полки и дивизіи, гремѣла музыка—рвались впередъ солдаты, смыкая постоянно рѣдѣвшіе ряды. Противникъ стойко встрѣтилъ нашихъ осыпая шрапнелью и тучами ружейныхъ пуль, вотъ загремѣли пулеметы. Гулъ выстрѣловъ слился въ одно завыванье; смерть витала надъ каждымъ. Была уже ночь, когда наши заняли деревню Сеосузу—но дальше уже не могли. Много пало нашихъ въ этомъ бою.

Вскорѣ сотня была прикомандирована къ штабу 2 арміи и все время проходило въ гонкѣ съ приказаніями и донесеніями. Трудно здѣсь пришлось: ни день ни ночь не знали покоя; только пріѣдетъ откуда казакъ—опять отправляютъ въ другую сторону, а ѣздить все время приходилось подъ ядрами: гонитъ казакъ, что есть силы у лошади, а ядра во всѣхъ сторонахъ рвутся безпрерывно: то и гляди, что наскочишь на осколки, а то и на весь снарядъ—разорветъ въ клочки—отъ коня и самаго не останется и кусочковъ,—то слышится далекое завываніе, это летитъ шилюза, давая о себѣ знать; но этотъ снарядъ былъ не страшенъ: разъ разорвалась подъ задними ногами лошади, непричинивъ вреда, а другая разорвалась въ кружкѣ сидѣвшей пѣхоты и одного только слегка ранило въ носъ. Больше недѣли продолжалась бѣшенная кононада, шли бои и армія наша начала постепенно отступать къ Мукдену. Но вотъ и Мукденъ—сотня здѣсь пробыла три дня, хотя все время въ разгонѣ, такъ, что казаки не видѣли другъ друга и всѣ страшно голодали, особенно кони. Достать было негдѣ. Между тѣмъ въ городѣ лежали огромные склады муки и фуража, но интенданты не выдавали. Просили казаки, хоть немного накормить коней, но всѣмъ отказывали. Въ это время шелъ бой

по всей линіи, простиравшейся на 120 верстъ, были ужасные вѣтры, летѣлъ песокъ въ нашу сторону, въ особенности 24-го—то было что-то невѣроятное; песокъ несло тучами, застилало солнце, которое казалось раскаленнымъ—краснымъ пятномъ, летѣли гальки въ лицо и казалось, что „сама природа противъ насъ", это былъ поистинѣ конецъ міра; всѣ задавались мыслью, ну что если наше расположеніе прорвутъ? Такъ оно и случилось, японцы прорвали, и нужно было отходить.

Поступило распоряженіе, очистить Мукденъ: запылали огромные склады разныхъ вещей, фуража, провіанта. Запылалъ русскій базаръ, много понесли убытку торговцы, надѣлявшіе тѣхъ, которые попадались имъ на глаза, нѣкоторые казаки оказались въ новыхъ полушубкахъ и сапагахъ, имѣя въ рукахъ караваи бѣлаго хлѣба пробавлялись сахаромъ и урюкомъ—все равно сгорѣло-бы или досталось японцамъ. Но вотъ двинулись и войска: началось Мукденское отступленіе. Въ сотнѣ было человѣкъ 6, остальные всѣ въ разгонѣ съ приказаніями да по постамъ летучей почты. При отступленіи посты не снимались, они отходили сами не теряя связи съ войсками. Дорога отъ Мукдена вся была занята идущими войсками, тутъ были—повозки, орудія, казаки, солдаты, а японцы съ фланговъ такъ и сыпятъ шрапнелью, только къ ночи смолкла ужасная кононада. Дошли до города Телина и наконецъ остановились въ городѣ Маймакаѣ, гдѣ и пробыли до конца войны, здѣсь вмѣстѣ съ казаками были охотничьи команды отъ пѣхотныхъ полковъ. Ходили на передовую линію, занимая сторожевые посты у деревни Цулюшу и Лантанфу, ходили въ секреты, и охотники на японскіе заставы. Жилось хорошо. Стычки были частыя. Жутко, но хорошо было ходить въ охотники.

Въ охотники.

Была темная бурная ночь. Вѣтеръ свистѣлъ въ горахъ и со страшной силой гудѣлъ въ ущельяхъ. Въ маленькихъ окошечкахъ казачьихъ землянокъ тускло мелькали огоньки. Вернувшіеся изъ сторожевого охраненія казаки грѣлись около огня и тянули мутную влагу изъ чайника, согрѣтаго тутъ же на огонькѣ. Было часовъ 9 вечера, повѣрка уже отошла, лошадямъ задано корму и всѣ мирно готовились заснуть. Вдругъ дежурный по сотнѣ забѣгалъ по землянкамъ и поднялъ казаковъ. Одѣваясь на ходу всѣ вылѣзли изъ небольшихъ землянокъ, похожихъ на волчьи норы. Минуты черезъ три сотня стала уже строемъ. Вышелъ командиръ подъесаулъ Поповъ и вызвалъ охотниковъ сбить передовые посты. Человѣкъ 40 разомъ выступило впередъ, взяли человѣкъ 20 и объявили куда нужно идти и что дѣлать.

Тихо двинулись смѣльчаки въ ночную тьму и черезъ минуту совершенно пропали. Темно было идти. Въ двухъ шагахъ не разберешь ни чего. Спотыкаясь о камни казаки дошли до перевала, на которомъ были расположены наши передовые посты. На заставѣ пропустили; быстро казаки взобрались на перевалъ, за которымъ лежала небольшая долина, а за ней второй увалъ, гдѣ расположились японцы. Нужно было не замѣтно пройти эту долину и врасплохъ напасть на японскую заставу. На минуту остановились охотники на перевалѣ. Нужно было отдохнуть, осмотрѣть оружіе. Казаки кутаясь въ шинели съ ружьемъ на изготовку зорко всматривались въ ночную темноту; жадно привычнымъ ухомъ ловили каждый подозрительный шорохъ. Подтянувшись и оправившись казаки стали спускаться въ долину, стараясь тихо ступать по камнямъ и не лязгать оружіемъ. Вотъ они уже у подошвы перевала,

прилегли, прислушались въ долинѣ тихо, только вѣтеръ завываетъ въ далекомъ ущелье, да гдѣ то въ сторонѣ грянуло два орудійныхъ выстрѣла. Вдругъ впереди шопотъ,—„стой, кто тутъ“ раздался тревожный тихій окрикъ. У охотника отлегло отъ сердца—„свои окотники“ оказалось это два казака залегшихъ въ секретѣ.

Дальше и дальше подвигаются охотники. Вотъ и японскій перевалъ—на минуту остановились, перекрестились и касаясь другъ друга поползли на гору. „Только бы пробраться мимо часовыхъ“, „А то не удастся“. Какъ тѣни ползутъ охотники на увалъ: ни брякнетъ шашка, и лязгнетъ ружье. Но вотъ въ темнотѣ точно призракъ обрисовалась человѣческая фигура. Это японскій часовой. Повернувшись спиною къ вѣтру, завернувшись въ свою шинелъ, оперся на ружье. О чемъ онъ думаетъ. Можетъ ему видится далекая японія семья. Охотники замерли: не дохнутъ и тихо почти не шевелясь подвигаются къ часовому. Бѣда если замѣтитъ: одинъ выстрѣлъ и все пропало. Вотъ до него не больше двухъ шаговъ; какъ кошка прыгнулъ передовой казакъ, блеснула шашка, раздался глухой ударъ во что то мягкое и японецъ какъ снопъ съ раздробленной головой повалился на землю не издавъ ни одного звука. Еще саженей 50 и застава: ее то и надо захватить казакамъ въ расплохъ. Ползутъ едва слышно. Вотъ обрисовался уже китайскій дворъ. Еще нѣсколько минутъ и казаки ударятъ въ шашки. Томительными кажутся эти минуты. Вдругъ почти надъ самыми казаками раздались два выстрѣла японскаго секрета; японцы всполошились; посыпалась безпорядочная стрѣльба. А охотники уже вскочили и съ шашками нагало ринулись во дворъ, но японцевъ ужъ и слѣдъ простылъ—они успѣли перепрыгнуть черезъ стѣнку и пользуясь темнотою засѣли за камни и градомъ пуль осыпали дворикъ. Только одинъ японецъ не успѣвшій перепрыгнуть былъ захваченъ живьемъ. Дали охотники нѣсколько залповъ

по засѣвшимъ японцамъ и захвативъ плѣннаго начали отступать къ своимъ. Межъ тѣмъ выстрѣлы японской заставы всполошили весь участокъ, началась стрѣльба въ русскую сторону по невидимому непріятелю и гремѣла часа два, а охотники уже добрались до своихъ землянокъ и сдали плѣнника.

Трудно было стоять на постахъ въ темныя ночи часовымъ, но весьма опасно было и дежурнымъ повѣрять свои посты. Вотъ одинъ изъ случаевъ. Урядникъ А. Павлючекъ былъ дежурнымъ и нужно было объѣхать свой участокъ и повѣрить посты. Ночь была бурная, темная, приходилось идти почти напрямикъ по направленію. Передовой постъ днемъ былъ на сопкѣ, а ночью его спустили назадъ къ увалу. Патруль выѣхалъ на сопку,—поста нѣтъ; думали ужъ не срѣзанъ ли японцами; старшій слѣзъ съ лошади и припалъ къ землѣ сталъ спускаться съ сопки; смотритъ, а изъ за камней на него въ упоръ уставились два дула и щелкнулъ затворъ.—„Что вы дѣлаете“ крикнулъ урядникъ, узналъ своихъ.—А у тѣхъ и руки отпустились: чуть чуть не погубили своего товарища, предположивъ что это японскій разъѣздъ. Такъ и шло время изо дня въ день. А казаки стояли въ горахъ и перестрѣливались съ японцами. Послѣ есаула Угличинина былъ уже второй командиръ: сначала есаулъ Полозовъ, а потомъ подъесаулъ Поповъ.

Посреди трудностей войны приходилось переживать и счастливыя минуты, особенно когда подвигъ какого либо героя достойно вознаграждался георгіевскимъ крестомъ. Раздача была торжественная и обыкновенно навѣшивалъ кресты самъ главнокомандующій. Вотъ какъ передовалъ мнѣ одинъ изъ кавалеровъ.

Это было еще въ Хайченѣ. На передовую позицію пріѣхалъ г. ад. Куропаткинъ. 2 нашихъ Оренбургскихъ полка и 2 Уральскихъ были построены четыреуголь-

никомъ. Послѣ смотра всѣхъ насъ представленныхъ къ награжденію знаками отличія вызвали впередъ и построили посрединѣ площадки занимаемой полками. Къ намъ подошелъ главнокомандующій со своею свитою, поздоровался съ нами поблагодарилъ за храбрость и пошелъ съ праваго фланга по фронту за нимъ шелъ адъютантъ съ небольшимъ ящикомъ съ крестами и подавалъ Куропаткину. Главнокомандующій бралъ крестъ, самъ навѣшивалъ на грудь героя и говорилъ „именемъ Государя Императора награждаю тебя!".

Когда всѣмъ были навѣшаны кресты, главнокомандующій сказалъ: въ честь новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ „ура" всѣ полки прокричали, а мы стоимъ по срединѣ и держимъ руку подъ козырекъ. Затѣмъ поздравилъ насъ всѣхъ, снова поблагодарилъ и отпустили по мѣстамъ. У меня къ этому времени какъ на притчу выпала вся спина у верхней рубахи,—испарилъ совсѣмъ, ну такъ и пришлось выходить на смотръ, т. к. всѣ имущество было оставлено еще въ Харбинѣ.

Между тѣмъ война подходила уже къ концу, стали поговаривать о мирѣ, а вскорѣ узнали, что заключено перемиріе.

Послѣ боя.

Было 29 августа. На зеленой сопкѣ стоялъ взводъ казаковъ 6 сотни; солнце клонилось уже къ западу и косыми лучами освѣщало вершины сосѣднихъ горъ; въ ущельяхъ легли темныя тѣни. Мирно было на душѣ, не хотѣлось думать о войнѣ, не хотѣлось умирать въ такой чудный теплый вечеръ.

Перестрѣлка прекратилась по всей линіи: казалось что войны совсѣмъ нѣтъ, а войска стоятъ не на постаѣъ предъ врагами, а на маневрахъ.

Кругомъ стояла мертая тишина;только часовые по перевалу, да японскіе заставы напоминали о войнѣ. Миромъ и тишиной вѣяло отъ всей природы, точно и она отдыхала послѣ грохота орудійныхъ залповъ.

Но что это? по дорогѣ съ японской стороны показались кучка всадниковъ. Какази встрѣвожились, схватили винтовки и залегли за камни ожидая приближенія врага. Всадники ѣхали прямо къ русскимъ постамъ и приблизившись на ружейный выстрѣлъ выкинули бѣлый флагъ, означающій парламентеровъ. Вахмистръ Бѣляевъ послалъ на заставу сообщить офицеру и казаки высыпали на гребень смотрѣть японцевъ, они остановились около казаковъ и съ любопытствомъ осматривали другъ друга. Казаки начали отпускать шутки. Нѣкоторые японцы заговорили по русски; завязалась бесѣда на полу-китайскомъ, полу-русскомъ языкѣ при помощи рукъ, глазъ и всего туловища.

На другой день здѣсь состоялись переговоры о мирѣ. Отъ русскихъ пріѣхалъ генералъ Орановскій, а отъ японцевъ Фокушима, и оба съ конвоемъ. Переговоры длились до 7 часовъ вечера. Всѣ поняли, что миръ заключенъ. Было радостно и грустно. Жизнь брала свое легко стало на душѣ что скоро вернутся домой; пережитыя страданія, нужда, голодъ, все какъ то сразу отошло на задній планъ; но всѣ ходили угрюмо, тяжело было возвращаться домой не разбивши японцевъ, но дѣлать было нечего. Всѣ войска съ передовой линіи ушли на ст. Куанчендзы, а сотня осталась на старыхъ мѣстахъ для передачи депешъ и пакетовъ.

Такъ кончилась тяжелая казачья военная жизнь. Наступилъ отдыхъ; прошлое казалось кошмарнымъ сномъ, проводя день и ночь подъ огнемъ на холодѣ, голодные, или подъ дождемъ въ грязи, неспавшіе, обносившіеся, тяжела была служба: все время вперди несутъ свою трудную развѣдывательную службу каза-

ки—все время въ разгонѣ, иногда и поѣсть сутками не приходится. Въ пѣхотѣ доставляли хлѣба и мясо, а казакамъ, рѣдко попадало; къ нимъ съ обозомъ и не доберешься, а если и доберешься, такъ не найдешь: сегодня здѣсь, а завтра уже верстъ за 30—40 угнали Приходилось самимъ добывать и себѣ пищи и лошади корму. Соберутся на привалъ—смотрятъ у гого въ сумахъ картофель, у другого курица въ торокахъ, третій муки или чумизы досталъ, началась жарня-варня; а за сѣдлами въ сѣткахъ вязанки сѣна или чумизы для лошадей. Хоть и трудно казаку, да зато онъ ужъ не пропадетъ ни гдѣ.

На зимнихъ квартирахъ.

Въ концѣ Октября перевели сотню на зимніе квартиры на ст. Бухай. Развеселое началось житье: понастроили казаки землянки и зажили припѣваючи: веселье, смѣхъ, шумъ. Соберутся на ледъ кататься бѣгаютъ, играютъ какъ маленькія дѣти; бросаются снѣгомъ—а то ударятъ на кулачки полусотня на полусотню и пойдетъ потѣха. Одинъ казачекъ гдѣ-то добылъ китайскихъ пистоновъ бумажныхъ, бомбъ и начали устраивать войну. Ночью вышли полусотнями ударили другъ на друга, бросаютъ бомбы—подняли такой трескъ, что даже лошадей всѣхъ перепугали, тѣ оборвались и помчались въ стороны. Сосѣдніе сотни сбѣжались думая, что въ 6-й открылась настоящая пальба. Подъ конецъ стоянки даже театръ устроили. Одинъ казакъ Устюженинъ раньше служилъ актеромъ. Досталъ матеріи, нашилъ занавѣсокъ и начали давать представленія, устраивать спектакли; да еще и съ музыкой: другой казакъ понадѣлалъ балалаекъ, натянули струны и пошло дѣло, такъ что г.г. офицеры и другіе сотни стали ходить смотрѣть на представленія 6 сотни. Молодцы были ребята въ дѣлѣ и бездѣлѣ.

Какъ ни весело было, а домой все же хотѣлось поскорѣе—и вотъ 12 февраля 1906 г. сотня была посажена въ вагоны и двинулась домой, послѣ двухъ лѣтняго отсутствія. Грустно было покидать мѣста политыя кровью братьевъ. Задумались казачки, стали считать товарищей и многихъ многихъ не досчитывались изъ тѣхъ, съ которыми такъ весело ѣхали впередъ—многіе изъ товарищей сложили свои головы на поляхъ манчжуріи и далеко отъ родины похоронены ихъ кости; многія съ тяжелыми ранами уже не работниками вернулись домой; но много и съ серебрянными и золотыми крестами на груди; вспомнили казаки и своего перваго командира—героя теперь уже полковника И. И. Угличинина; припомнилось, какъ орлами летали они подъ вражьими пулями, какъ вмѣстѣ съ командиромъ спали бокъ о бокъ и питались тыквою, кукурузою и чумизою, какъ онъ стоялъ на часахъ, когда сотня спала, какъ одѣвалъ въ свое пальто прозябшихъ.

„Да, братцы, жаль, что онъ недолго пробылъ съ нами", разсуждали казаки подъ однообразный стукъ вагоновъ.

А поѣздъ съ каждымъ часомъ все ближе и ближе подвигается къ роднымъ мѣстамъ. Трепетно и радостно бьются сердца казаковъ въ ожиданіи встрѣчи съ родными послѣ долгой разлуки.

Заключеніе.

Послѣ войны прошло четыре года. Казаки обратились въ мирныхъ земледѣльцевъ. Тихо и спокойно потекла жизнь—былыя тревоги, грохотъ пушекъ и трескотня ружей казались какимъ-то далекимъ сномъ, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ милѣе казались воспоминанія о прежней боевой жизни. Частенько особенно зимою, былыя рубаки соберутся вечеркомъ другъ къ

другу и польется бесѣда, польются воспоминанія. Припомнятъ все—отдохнетъ душа отъ постоянныхъ домошнихъ заботъ, сильнѣй забьется сердце и закипитъ кровь, такъ бы опять и пожилъ той тревожной, неспокойною жизнью. Старыя товарищи все же частенько встрѣчались, тѣмъ болѣе, что почти всѣ жили въ одной станицѣ. Хороши, радушны эти встрѣчи—обрадуются казаки, точно родныя братья встрѣтятся другъ съ другомъ: война сроднила всѣхъ: ненаговорятся, а кто въ горѣ помогаютъ одни другому. Часто въ бесѣдахъ вспоминали казаки своего удалого командира И. И. Угличинина. „А, хорошо бы ребята, теперь встрѣтиться опять съ нимъ. Помните, когда онъ получилъ войскового старшину и былъ переведенъ отъ насъ въ 11 полкъ—такъ вся сотня заплакала, какъ сталъ прощаться. Жалко было: хоть и строгъ былъ, но справедливъ, любили мы его всѣ". Такимъ добрымъ словомъ вспоминали казаки своего перваго командира—и это не одинъ какой нибудь, а вся сотня какъ одинъ человѣкъ.

Но вотъ разнеслась вѣсть, что бывшій командиръ, теперь уже полковникъ, назначенъ атаманомъ отдѣла и скоро будетъ въ Звѣриноголовскую. Обрадовались казаки и всѣ стали готовиться къ встрѣчѣ.

Наканунѣ пріѣзда атамана, всѣ участники японской войны около 100 человѣкъ уже съѣхались въ станицу и въ день пріѣзда толпами стали собираться къ назначенной квартирѣ. Встрѣтились опять всѣ, опять пахнуло чѣмъ-то манчжурскимъ, боевымъ. Загрѣмѣли старыя пѣсни, которыя четыре года тому назадъ раздавались по холмамъ и сопкамъ далекой Манчжуріи. Быстро прошелъ короткій осенній день. Солнце сѣло и начинало уже смеркаться. Вдругъ отъ моста прискакалъ махальный казакъ и сообщилъ—„ѣдетъ!" Вмигъ сотня развернулась фронтомъ и глаза всѣхъ устремились туда, откуда должна показаться повозка съ коман-

диромъ. Чу—звонцы... ближе и ближе и въ нѣсколь кихъ шагахъ остановилась тройка. „Сотня смирно! На караулъ!“ Раздалась знакомая команда вахмистра Бѣляева. Блеснули клинки на вечерней зарѣ и безшумно опустились „на караулъ“—сотня замерла. А въ это время изъ повозки быстро вышелъ сѣдоусый полковникъ и взволнованнымъ голосомъ крикнулъ:—„здорово, родные!“ Голосъ задрожалъ, оборвался, „здорово славные боевые товарищи“—еще громче повторилъ полковникъ,—въ голосѣ послышались слезы... „Я... радъ Васъ видѣть опять всѣхъ...“ говорилъ прерывающимся голосомъ полковникъ—быстро нервною походкою шагая по фронту. А въ отвѣтъ на родное привѣтствіе неслось радостное громкое „здравіе желаемъ“, „рады стараться“, „рады Васъ видѣть“—по лицамъ нѣкоторыхъ рубакъ струились слезы радости при видѣ стараго любимаго командира фронтъ забытъ. Казаки бросились со своихъ мѣстъ и тѣснымъ кольцомъ окружили полковника. Вотъ гдѣ сказался народный непобѣдимый духъ—залогъ всѣхъ побѣдъ. Чувствовалось, что это—дружная родная семья собралась послѣ долгой разлуки.

На утро во главѣ съ полковникомъ казаки двинулись въ мѣстный храмъ отслужить панихиду по убитымъ и умершимъ товарищамъ. Въ старомъ манежѣ, былъ приготовленъ обѣдъ. За длинными столами чинно разсѣлись всѣ—командиръ въ срединѣ. Пропѣли молитву, какъ это бывало раньше. Чѣмъ-то далекимъ прошлымъ повѣяло отъ этой картины. Чудилось, что это опять въ далекой китайской землѣ, а длинный мрачный манежъ, такъ напоминалъ китайскую фанзу. Быстро прошелъ обѣдъ при общей бесѣдѣ. Полились воспоминанія. Ярко въ воображеніи предстали сопки Манчжуріи, съ ихъ камнями, утесами и долинами, политыми казацкою кровью. Смѣлая лава, отчаянныя атаки, труды, лишенія, голодъ и манчжурская грязь—встали какъ живыя; помянули павшихъ товарищей; припомнили какъ

кормили командира не соленою тыквою изъ общаго котла, какъ стоялъ онъ на часахъ, когда утомленная сотня спала и долго, долго лилась тихая бесѣда; до глубокой полночи, собравшіеся послѣ четырехъ лѣтъ— „бойцы вспоминали минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они“.

А. И. Кривощековъ

V

92 коп.

— Цѣна 25 коп. —